

ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ

В. Ардов
**СОВЕСТЬ
В кармане**

ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ

В. Ардов

**СОВЕСТЬ
В КАРМАНЕ**

**Сатирические
рассказы и фельетоны**

*Рисунки
Бориса Ардова*

**Издательство
политической литературы
Москва · 1968**

Ардов Виктор Ефимович.

A79 Совесть в кармане. Сатирич. фельетоны. Рис.
Б. Ардова. М., Политиздат, 1968.

80с. с илл. («Люди и нравы»).

Сборник сатирических рассказов и фельетонов обличает тех, кто, по словам автора, «совесть держит в кармане, кто ее отроду не имел, у кого она протухла и усохла».

Когда-то один не слишком умный парень сказал:

— Там можно было украсть пару сапог, а я вот не украл... И потом меня так совесть мучила...

А другой — тоже не очень толковый товарищ — на вопрос: почему это он в столовой самообслуживания не постарался взять по одному чеку две порции котлет, ответил:

— Да так, знаете, как-то... у меня совести не хватило...

Нет надобности объяснять, что совесть есть нечто прямо противоположное тому, что имеют в виду эти двое. Однако нужно защищать понятие совести не от глупцов, а главным образом от людишек, которые легко и привычно совесть свою прячут в карман на глазах, как говорится, растерявшейся публики... А то и вовсе норовят выбросить ее — совесть — на помойку...

Впрочем, может быть, на помойке и есть настоящее место для совести этих людей?..

Ведь что происходит? Весь наш многомиллионный народ трудится. И как трудится! Недаром же весь мир поражен результатами, которых Советская страна добилась к 50-летию Великой Октябрьской революции!

Но вот среди какой-нибудь группы наших трудящихся появляется человек... Как его определить? Ведь он — не бывший фабрикант и не помещик в прошлом, не служитель культа, который с юности обманывает людей своими сказками. Нет! Он — член профсоюза! Вашего! Нашего! Он где-то числится, где-то «работает» — в кавычках... Он чаще, чем мы с вами, стирает с утомленного лица пот и бормочет с тяжелым вздохом:

— Ффффу... Ну и устал же я...

А может, он и вправду устал. Только — от чего устал? Помните, бессмертный Митрофанушка в комедии Фонвизина «Недоросль» говорит:

— Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку. Так мне и жаль стало.

— Кого, Митрофанушка?

— Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

По этому принципу можно пожалеть и того человечка, который среди истинных тружеников выбивается из сил, чтобы притвориться самым-самым-рассамым энтузиастом. Для чего это ему нужно? А потому, что теперь даже оголтелые дураки знают: если не быть по существу, то хоть притворяться трудящимся даже самый бессовестный человек должен обязательно! Непременно! Непрерывно!

А как же! Иначе его раскусят. А знаете, чем это пахнет?.. Нет, вы, пожалуй, и не знаете, товарищи читатели: вам это ни к чему. А вот этот псевдорботающий, который свою совесть выбросил за забор или закопал в землю, он-то знает точно, что происходит, когда человека уличат в том, что он — тунеядец. Знает! И боится этого разоблачения ежечасно. И только жене своей — в случае если он ей доверяет (а доверяет такой тип даже собственной супруге далеко не всегда), — жене своей на супружеском ложе шепотом сообщает:

— Если вывезти с нашего склада все продукты сразу, то за это дадут десять лет. Статья 89, часть 3. А если сперва составить акт, что этих продуктов уже нет...

— Как это так — «нет», пупчик? — спрашивает жена.

— Ну списать сперва по нормам, которые указаны в инструкции на утруску, на утечку, на усушку... еще — на утух...

— На что, на что еще, пупчик? — шепотом переспрашивает жена.

— На утух, я говорю. Ну, тухнет же у нас товар. Так? Значит, можно списать и на это. Да еще — на бой посуды. И все списанное потихонечку вывозить... В несколько приемов... Тогда — может, и пройдет...

— Дай-то бог, пупчик... Только ты бы тово — поаккуртнее! Вот ведь Пал Палыч уже загремел...

— А я — про что?! И как не загреметь, когда твой Пал Палыч среди белого дня наложил казенного добра четыре грузовика и без всякого оформления двинул это все через проходную?..

Но и предварительное «оформление» для последующих хищений народного добра лишь несколько отодвигает неизбежное наказание, но отнюдь не ликвидирует таковое. Тут приходится вспомнить старинную поговорку: «Сколь-

ко веревочку ни вить, а концу быть!» Но это — о ворах крупного масштаба.

А есть среди бессовестных особи другого, так сказать, профиля. Например, «шабашники». У них совесть не на помойке, а именно — в кармане: сейчас она спрятана, а сейчас извлечена и демонстрируется с назойливой запальчивостью. Шабашник — спречь мелкий производственный вор — не увозит крупные ценности на грузовиках, а только выносит из цеха или со склада под мышкой, в кармане, под полою ватного пальто малую толику казенного добра. Этот, говоря научно, вор-гомеопат склонен даже пустить слезу по поводу своей честности ограниченного действия. Будучи пойман с поличным, шабашник переходит в контрнаступление и голосом, дрожащим от благородного негодования и такого же умиления перед самим собою, скулит:

— Да разве ж мне не дороги интересы производства?! Я же сам, помнится, в 58-м году целый месяц висел на Доске почета. И сейчас вот... я ведь даже взял на себя обязательство усилить и приналечь... А что я позволил себе унести домой немного белил и эти шурупы, — так боже ж ты мой!.. Стоит ли говорить о таких пустяках?! Мы же взрослые люди!..

— Вот именно! — хочется ответить такому софисту. — Мы уж не дети и понимаем, что хищение есть хищение независимо от масштабов оного!

Но вы знаете? Иной раз предпринятая шабашником контратака приносит ему победу. Его совестливый оппонент махнет рукой и отойдет в сторону, особенно, если у самого оппонента совесть страдает... (как бы это точнее выразить?) — ну, рахитом, что ли...

А совесть слабенькая, снулая, как рыба в садке с тухлой водой, очень скоро превращается в совесть дохлую. И тогда не так уже трудно бывшему совестеносителю и брать взятки, и давать их же, и закрывать глаза на хищения, на очковтирательство, на фальшивые отчеты и делать еще многое другое, чего нормальная совесть никогда не позволит!..

Вот на взятке стоит остановиться. От прошлого остались два великих афоризма, относящихся к лихоимству. Первый: «Детишкам на молочишко». Эту формулу создали сами лихоимцы. Не правда ли трогательно? Не было бы у мерзавца малых детей, коим нужно питаться и при

том именно молоком питаться, — то он и не брал бы. И не отнимал бы молоко у детей просителя, который, как выражаются и по сей день, «сунул в лапу»...

А второй афоризм — это бессмертные слова М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Ты скажи мне, гадина, сколько тебе дадено?». И если «гадина» ответил бы честно, тут бы оно и выяснилось, что «дадено» ему гораздо больше, чем нужно на приобретение даже сотни литров молока в день. Но ведь у берущего взятки дома-то всего — одна семья, а не детский сад. Ему сто литров молока в сутки не требуется. А что ему нужно? Ему нужно «жить припеваючи». Вот он живет, припевая различные песни, пока в его репертуаре не останется один мотив: «Солнце всходит и заходит...», исполняемый, как известно, на тюремных нарах...

А вот еще — поклонники другого великого изречения: «Где бы ни работать, лишь бы не работать». У этих совесть тоже выходная. У нее, как теперь принято говорить, «отгул». Гуляет совесть. Точнее: гуляет владелец утраченной совести, полагая, что гулять именно там, где ему положено работать, равноценно самой работе. Такой тайный лодырь часто слоняется по всему предприятию (учреждению), симулируя озабоченность, и спрашивает встретившегося товарища:

— Слушай, Сивачев, ты не знаешь: куда запропал Трошкин? Второй час ищу Трошкина... Срочнейшее, понимаешь ли, дело...

А увидев искомого Трошкина, говорит:

— Привет, браток! Не попадался тебе Сивачев? Понимаешь, второй час ищу. Важнейший вопрос!

Это — только один и самый простой прием ничегонеделания. Теперь уже редко встретишь бездельника, который откровенно зеваает и ковыряет у себя в ухе, сидя за служебным столом. Теперь лодырь умеет мелькать перед глазами начальства, словно белка в колесе. Но настоящая-то лесная белка, мелькая, сильно тратит мышечную энергию. А лодырь создает одну лишь иллюзию движения, сохраняя все свои силы — физические, умственные, эмоциональные — в завидном покое...

Есть еще и такая порода псевдоэнтузиастов, которые умеют проявлять все признаки горячей любви к делу, избегая самого дела. Такой товарищ при случае и «речужку толкнет» вполне на уровне. И проявит накал темперамента с роскошнейшим дрожментом в голосе... И в «формулиро-

вочках» он — большой мастер. Но лучше всего овладел так называемой спихотехникой. Знакомо ли вам такое определение? Наш народ окрестил этим словом умение отпихнуть от себя, спихнуть на другого человека любое дело, решение вопроса — большого и малого. Виртуозу спихотехники все равно что́ решать, лишь бы не решать...

Вот, например, как работает один специалист по отоплению. Его спрашивают:

— Сколько надо дров, чтобы отопить одну комнату?

— Смотря какая площадь, — ответил специалист.

— Ну, четырнадцать метров.

— Смотря какая высота.

— Три с половиной метра.

— Смотря сколько окон.

— Одно окно.

— Смотря какой этаж.

— Второй этаж.

— Смотря какой дом — каменный или деревянный.

— Дом каменный.

— Смотря сколько наружных стен.

— Одна стена.

— Смотря какая печь.

— Обыкновенная печь.

— Смотря сколько раз в день топить.

— Один раз в день.

— Смотря какие дрова.

— Березовые дрова.

— Смотря какие — сухие или сырые.

— Сухие дрова.

— Та-ак, — задумчиво сказал специалист, — все ясно.

— Так сколько же надо дров? — спросили его.

— Смотря какая зима...

Блистательно! — не правда ли?

А как хорошо было бы, если бы мы избавились именно сразу ото всех тех, кто совесть держит в кармане, и от тех, кто ее выкинул на помойку, и от тех, кто ее сроду не имел, и от тех, у кого она протухла или усохла!..

К этому оно, собственно, и идет, товарищи! Хочется только ускорить такой благодетельный процесс очищения. И знаете, какой тут можно применить, как говорят химики, катализатор? Нетерпимость. Давайте объявим войну всем и всяческим изъянам совести. Точнее: тем гражданам, у кого это важнейшее свойство претерпело

ущерб. И пусть знает любитель освободиться от своей совести, что везде и всегда отныне будут требовать от него предъявить совесть — раньше, чем все документы: фотокарточки и анкеты, справки и автобиографии, заверенные копии и подлинные аттестаты... Да и зачем нам вся документация, коли у человека не в порядке такой важный моральный агрегат, как совесть?! Нет уж, придется всем бессовестным личностям позаботиться о том, чтобы вывести лично у себя это нужнейшее свойство из состояния спячки! Вынуть из кармана и применять свою совесть на полный ход, как положено советскому человеку!

А чтобы легче было бы распознавать людишек без совести, в этой книге мы изобразили несколько экземпляров совестеущербных, если можно так выразиться, личностей. К сожалению, такие ископаемые еще сохранились и пытаются приспособиться к жизни.

Сперва разговор шел в весьма приличных тонах: солидный инженерно-технический работник беседовал с заведующим отделом кадров завода по вопросу о поступлении на работу. Посетитель отвечал на вопросы и предъявлял многочисленные документы, содержащиеся в опрятности и полном порядке.

— Ммм... так... ммм... а где вы работали последнее время? — спрашивал кадровик.

— Там же все сказано, — ласково, но снисходительно улыбаясь, отвечал посетитель. — Посмотрите в трудовую книжку... плюс пачка характеристик — перед вами...

— Ммм.... та-ак... А это от кого характеристика?

— Личный отзыв академика Перетопленцева. Имел честь и удовольствие сотрудничать с этим выдающимся ученым в одном из НИИ...

— Ага! Так. А... ммм... это — что такое?

— Удостоверение на право ношения нагрудного знака почетного мелиоратора. Представьте себе: одно время я трудился над созданием коряговыводителя в экспериментальном заводе. Наш коллектив создал такую, знаете ли, штучку, над которой все ахнули. Ни одна коряга, ни один пенёк, ни одно корневище не могли не признать чудесной силы нашего агрегата!..

— Корневища, говорите вы, признали?

— То есть что это я!.. Неудачно сформулировал, хе-хе: корневища, безусловно, молчали. И совместно с корягами и пнями вылезали из почвы как миленькие... А вот работники мелиорации — те прямо ахнули, когда мы им преподнесли этот сюрприз... Кстати, тут даже есть чертежик. Вот — видите? Это — коряга. А это — наш агрегат со своими ножищами-захватывающими и так далее. Он движется сюда, а корягам и корневищам не остается ничего делать, кроме как немедленно вышвыриваться наружу с любой глубины залегания. Вам ясен чертеж?

— Угу. Так. Ясно, в общем... А... ммм... Вы где получили свое образование?

— Так в тульском же политехническом... Вот же — диплом. Почти что — с отличием, могу сказать. Плюс курсы по повышению в Арзамасе. Вот так.

— Та-ак. Ясно. Угу! Ну что ж... Я доложу руководству...

— Буду очень просить. Но, если разрешите, в свою очередь позволю себе задать два-три вопросика, что ли... Информации, так сказать, попрошу у вас... Кхम्म!.. Какие у вас имеются свободные ставки?

— Должности, вы хотите сказать?

— Ну, если угодно, называйте это «должностями», хе-хе...

— Сменный инженер. Помощник заведующего отделом главного механика. Что же еще?.. Старший мастер цеха...

— Угу. Так, так. Очень интересно. А в смысле ставок?

— Что положено по закону, безусловно...

— Угу. Ага. Так, так...

— Простите, я тоже хочу еще спросить у вас...

— Сделайте одолжение!..

— Почему вы ушли с последнего места работы?

— Там же отмечено — в трудкнижке: по собственному желанию.

— А почему возникло желание?

— Желание?.. Ну, по многим причинам... Во-первых, не получилось то, на что рассчитывал...

— А на что вы рассчитывали?

— Нет, вы в самом деле спрашиваете?

— А вы как считаете?

— Считаю, что вы шутите. А как же! Должен же человек иметь условия, обстановку и прочее, и прочее... ведь так?

— Смотря что вы называете «обстановкой» и «условиями».

— То, что люди считают. Ну, там премии, возможности, попутные блага, что ли...

— Попутные, — вы говорите?

— Угу.

— Блага?

— Ага.

— Интересно!

— Слушайте, что вы притворяетесь наивным таким? Только потому, что вы — заведующий отделом кадров? Сейчас, знаете, эту манеру «не от мира сего» надо бросить!

— Вы так считаете?

— А вы — нет? Не верю! Старб!.. Ну, еще вопросы ко мне у вас есть?

— Есть: совесть у вас имеется?

— Простите?

— Совесть, я спрашиваю, у вас есть?

— Хе-хе-хе... в каком, то есть, смысле «совесть»?

— В простом. В человеческом смысле.

— А разве...

— Что — «разве»?

— Это — что же? Кампания теперь такая?

— Какая кампания?

— Ну вот... насчет совести... Нет, я — почему? Если я бы знал, я бы приготовил характеристику и в этом плане...

— Документально подтвердили бы наличие у вас совести?

— Ну безусловно! Я же понимаю: поступающий на работу товарищ должен быть освещен со всех, так сказать, сторон.

— И вы бы достали справку о совести?

— А как же! Раз началась кампания, то, безусловно, необходимо...

— Нет, товарищ! Это не кампания!

— А?

— Я говорю: совесть надо иметь не в порядке кампании. И не для отдела кадров. А — для себя, если хотите знать!

— Ну, это уже вы чересчур, должен вам сказать... Это, я считаю, перегиб. Уверю вас!

— А я вас уверяю, что без совести вы не проживете. И не только у нас, а — повсюду. Возьмите ваши бумаги.

— Ага. Так. Угу. Иными словами — я вам не подхожу. И вы меня будете уверять, что это из-за какой-то там совести. Ха! Так я и поверил! Честь имею кланяться. Я, между прочим, и сам не стремлюсь работать в организации, где предъявляют еще разные бессмысленные дополнительные требования... Всего вам лучшего. Честь имею!

— Лично я — старый работник общественного питания, можно сказать — ветеран. И даже ранен на этом фронте. Я неоднократно возглавлял столовые, кафе, буфеты, павильоны, забегаловки и другие точки.

Аккурат на последней точке со мной и вышла эта запятая. А из-за чего? Из-за того, что у нас создают такую напряженную, нервную обстановку на работе, что совершенно невозможно обдурить всех, кого надо.

А я возглавлял столовую № 7 нашего районного треста. Дело прошлое, могу вам сказать: у меня была, как говорится, «рука» в этом тресте — свой человек... Кто именно — неважно, поскольку по этой «руке» уже тоже хлопнули и эта «рука» обеими ногами из треста подалась...

А тут было так. Я еще в столовой, «рука» вызывает меня к себе и говорит:

— Имеются большие жалобы на твою столовую. Говорят, ты даже карточек не печатаешь: посетитель не может узнать, какие есть кушанья.

Я говорю:

— А зачем переводить бумагу? Каждому посетителю сразу подаем жалобную книгу, там уже про каждое блюдо подробно...

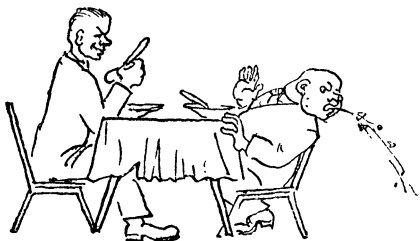
— Н-да,— говорит «рука»,— потом еще говорят, что самые кушанья — как мы называем, «блюдаж» — блюдаж у тебя исключительно жесткий. И по ассортименту жесткий — каждый день одни и те же блюда... И если кто вздумает жевать, те тоже жалуются, что жестко... Говорят, у тебя биточки такие: вилка гнется...

— Вот это отчасти правда: с нашей вилкой надо что-то делать. Нам нужна более биткоустойчивая вилка.

А с теперешней вилкой мы наших биточков не освоим!

— Ну вот, имей в виду: по случаю таких жалоб к тебе придет обследователь из райисполкома. Учти!

Вернулся я к себе в столовую, собрал сотрудников. Говорю: так мол и так. Ждем обследователя. Учтите! Временно, говорю, давай-

те будем готовить блюдаж помягче. И с посетителями пока что надо помягче. А если из вас кто увидит посетителя, который похож на следователя, сейчас же доложить мне!

И вот на третий день прибегает ко мне официантка Клава. Толковая, знаете ли, девчонка: сроду еще ни один посетитель не сумел ее перекричать: у ней у одной голос, как у цельной очереди. Прибегает и говорит:

— Ой, Иван Харитонович, безусловно, он уже пришел... следователь. В малом зале сидит.

— Он тебе сказал, что он — следователь? Или удостоверение предъявил?

— Нет, он удостоверение не предъявил, но глаза предъявил: так глазами ворочает — страшно смотреть!

Я сейчас же иду в малый зал. Действительно, за угловым столиком сидит гражданин. С виду — как все. Вот это, я считаю, неправильно! Этим следователям, им, безусловно, надо присвоить отдельную униформу... Чтобы их за квартал можно было бы узнать — там фонарик на шапку, как у шахтера, либо, как у козы, колокольчик... Что-то надо, товарищи! А этот сидит и все осматривает...

Тут подходит к нему Клава с жалобной книгой в руках, чтобы он выбрал себе еду. А он, не глянув даже на книгу, произносит:

— На первое дадите мне рисовый суп, на второе — биточки с томатным соусом, на третье — компот...

Клава прямо ахнула:

— Как же вы без жалобной книги наизусть угадали все наше меню?!

— По пятнам на скатерти все можно сказать!

Ну как же не следователь? Я немедленно подаю команду: скатерть переменить, солонку сюда почище! Послать купить за мой счет банку горчицы: пускай жрет!

А Клава уже несет ему тарелку супа. И он ей навстречу: говорит:

— Что ж вы мне холодный суп даете?

Клава — ему:

— Гражданин, суп до вас даже недонесенный; как вы можете знать его температуру?

— Да вот вы опустили большой палец в суп, и я вижу, что вам не горячо!..

Ну, думаю, пора... Подхожу, здороваюсь и говорю:

— Поскольку я возглавляю данную точку, то, безусловно, поминутно тревожусь: какие у вас вкусовые ощущения?

— А вы сами попробуйте!

Вот тебе раз! Ну теперь-то уж я вам скажу, я ведь этот блюдаж в нашей столовой кушаю в исключительных случаях: чересчур дорожу моим здоровьем... А у нас главный повар большой был чудак. Привезут, например, продукты — свежие, чистые, хорошие. А он пригорюнится над продуктами и плачет. Плачет! Его спрашивают: «Ты — чего, Евдокимыч?»

А он: «Да ведь погублю я сейчас все это добро... чего я понаделаю, — мне самому жутко!..»

Так ведь обследователю этого не расскажешь! Делать нечего — сажусь с ним и говорю Клаве: «Подашь мне один раз биточки общие...» И еще я ей потихоньку успел скомандовать, чтобы большой зал и кухню привели бы в порядок: безусловно, пойдем осматривать...

Да. Ну, принесли биточки. Я давлюсь, но ем. Ем! А он спрашивает: «Ну, как, товарищ заведующий, нравится?»

Отвечаю: «Прекрасные биточки; каждый день я их ем с ужасным удовольствием... Тьфу! — думаю даже в приказе благодарность отдать повару, чтобы всю жизнь помнил бы, бродяга!»

А он — опять: «Может, еще скушаете?»

Я думаю: «Черт с ним. Все равно лечиться. Пока хоть кухню уберут».

— Да,— говорю,— охотно повторю эту пытку... попытку пообедать с вами...

И что же вы думаете, товарищи? Пока я с ним ел эти биточки, пришел настоящий обследователь. То есть Клава меня пустила по ложному следу...

А настоящий обследователь сел в большом зале. Там официанткой — Тамара... Дура-дурой и болтушка страшная... Она у него прямо из под рук тянет скатерть и приговаривает:

— Позвольте!.. Дайте убрать!.. Руки уберите — я кому говорю?!

Обследователь спрашивает:

— Что это вам приспичило скатерть менять?

— Да вот ведь ждем еще обследователя — носят их дьяволы!

— А разве пришел?

— Притащился уже. Вон — видите — с нашим заведующим биточки рубают...

И после этого берется Тамара за пальму: спокон веку у нас в большом зале пальма стоит. А Тамара плачется:

— Ну, как я эту пальму приведу в какой-нибудь вид, когда в нее окурков насовано еще с царского времени!

Обследователь тогда говорит: «Дайте я вам подсоблю эту пальму вытащить на кухню — целиком, с кадкою...» Тамара обрадовалась и говорит: «Давайте!».

И потащили. А на кухне — суматоха... Выносят все, что можно вынести... а запах-то невыносимый. Пол моют с двух сторон, и прямо волны по полу ходят... Надумали еще вытирать пыль с короба над плитой... И от этой пыли расчихались все на разные голоса, как в опере «Фауст»... А судомойки со страху посуду бьют, как в барабан играют... И кто как может поносят этого обследователя. А он, пока тащит пальму, все видит, все слышит, все нюхает...

А тут я привожу на кухню этого человека, которого мне Клава выдала за обследователя. Ну, сам я иду немного сзади, чтобы на почве биточков не икать ему прямо в лицо... Иду и докладываю:

— Это у нас — ик! — кухня. Персонал здесь исключительно — ик! — в чистых халатах.— И вдруг вижу постороннего человека без халата, спрашиваю:

— А вы, товарищ,— ик! — кто такой?

Он говорит:

— Я — обследователь из райисполкома.

— Шутить, гражданин, пожалуйста — ик! — в общий зал! А тут у нас — кухня, так сказать,— ик! — святая святых нашего производства!

— Да,— он говорит,— я видал, какая у вас «святая святых»... Вот вам мое предписание...

Ну, я как взял предписание в руки, так и сел, где стоял. А там аккурат — тазик с горящими угольями. Вот я почему говорю, что я — раненый... Чувствую сразу: какая-то дрянь горит. Оборачиваюсь: это я горю...

Сотрудники кинулись ко мне, поднимают, кричат:

— Что с вами, Иван Харитонович?! Вы же горите!

— Чего уж там? — считаю, что я уже погорел — ик! — целиком и полностью...

Так оно и вышло: с тех пор я ни одной точки не возглавляю — поставили на мне на самом... точку!

— Простите, вы не знаете, где здесь комната № 8 — кабинет помощника прокурора товарища Степановой?.. Ах вот! Вижу...

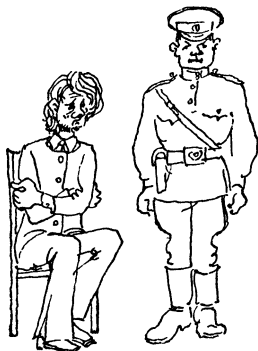
— Только она сейчас занята — товарищ Степанова: у нее кто-то на допросе... Обратили внимание? — конвойный в коридоре дожидается.

— Лучше я тут обожду... Ага. Вызвали меня повесткой. Ага. По какому делу?.. Ох, дело тяжелое... Я, если хотите знать, — персональный неудачник.

— Из-за чего?

— Из-за того, что сперва мне чересчур везло в жизни... Так и быть: пока меня примет товарищ Степанова, я успею рассказать вам, как говорится, как дошел я до жизни такой...

Папаша у меня был из ученых. Мамаша — образованная домашняя хозяйка. Любит она меня до умопомрачения, хотя злые языки говорят, что помрачаться ей особенно нечем: ума, дескать, маловато. Но во всяком случае она десятилетку целиком и полностью кончила... мною. Именно — она, и именно — мною, поскольку мамаша и уроки за меня делала, и сочинения писала, и плакала перед каждым учителем в отдельности и перед педагогическим советом в целом ревела как белуга. В общем, за тринадцать лет интенсивной маминой работы, я прикончил десять классов на круглые тройки с минусами. К этому времени из меня уже получился ведущий стилиста нашего микрорайона. В марках вин и ликеров я разбирался не хуже дегустатора на хорошем винзаводе. Пока был модным клеш — нижняя окружность моих брюк была 48 сантиметров. Вошли в моду брюки-«дудки», я перешел на 16 сантиметров в том же месте. Галстук у меня свешивался до колен, а что на нем было изображено, это я передать вам не могу, поскольку здесь, я вижу, сидят женщины... Ну и все прочее было у меня соответствующее. И на

всех окрестных танцплощадках я «стилевал» в первой десятке исполнителей самых модных танцев — там шейк, фрут, мánки... Вы, наверное, о таких и не слышали?.. Я так и думал!..

Ну, поступил я в высшее учебное заведение. В какое? В КПУ. Нет, нет! Это не Конструкторское промышленное училище. И не Кировоградское пехотное училище... КПУ означает: Куда Папа Устроит. А он меня устроил в очень приличный институт. Но, видите ли, у нас произошла семейная катастрофа. Ну как же? Папа у меня — не дурак. И секретарша ему попалась, хотя и молодая, но тоже не дура. Так что в дураках остались мы с мамой. Ясно? Папочка быстро-быстро организовал себе вторую семью — и предусмотрительно в другом городе.

А я? Маме не может же хватить знаний на институтскую программу... И тут ей вообще стало не до меня. Зачеты я должен был сдавать сам... Вам известно такое выражение: студенческий «хвост»?.. Ну, несданные экзамены и зачеты называются в вузах «хвостами». Да... Повисел я у деканата с моими семью «хвостами», потом обрубил все «хвосты» и меня вместе с ними.

Надо было зарабатывать деньги: на папины алименты я право потерял по возрасту, а также в виду характера новой папочкиной жены... Маме тоже больше удавалось тратить, особенно — на меня, чем зарабатывать.

Но и меня с детства обучали тратить, а не... В общем, ясно. Тут я должен вам рассказать о моем друге и учителе на поприще стилевания по имени Альфред Бабашкин. Для меня он с пятнадцати лет был жизненным идеалом. Начать с того, что воровать деньги у родителей Альфред Бабашкин научился на три года раньше меня. И тянул настолько крупные суммы, что мне за ним никак не удавалось угнаться... При том он не стеснялся носить такие пиджаки и туфли, в которых даже я не прошелся бы днем по улице. Он перманенты себе делал, как девица, и травил на висках волосы под «интересную седину» с шестнадцати лет. Словом, я все годы смотрел на Альфреда, как овчарка на дрессировщика...

И когда мне понадобилась работа, то Альфред отвел меня в один мелкий парк приблизительной культуры, где я нанялся преподавать западные парные танцы, — говорю «парные», потому что от моих учеников пар шел, когда я им «преподавал», и от меня самого... Бывало, станешь в

позу неподалеку от аккордеониста, изогнешься вот так и начинаешь: « Попрошу внимания! Мужчин мы условно называем «партнер» или сокращенно — «пыр». Дама у нас будет идти под кличкой «партнерша», сокращенно — «пша». Взались! Схватились! ПШИ, ПШИ, а вы что же? Эй там, гражданочка в бордовой мини-юбке, вы считаете, что к вам это не относится?.. Подымайте руки! Так. Теперь, маэстрочко, попрошу что-нибудь простое на три четверти без особенных синкопчек. И!.. И — раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три... Вот вы, в лохматом джемпере, что ж вы ходите по туфлям вашей дамы?.. Слезайте с ног сейчас же! Это я вам говорю! Танцевать — вовсе не значит ходить пешком по даминым ногам! Музыку вы слышите? И — раз-два-три, раз-два-три...»

Как говорится, в поте лица своего — буквально при том! — зарабатывал хлеб свой. Никогда прежде не думал, что веселиться — такое трудное дело. Но я все-таки веселился до конца сентября. А в октябре иссякли мои заработки: навильон танцев в этом парке закрыли. А я получал денежки, так сказать, с каждой танцующей ноги. И вышло как у той популярной стрекозы: лето красное пропел и проплясал, а когда зима катит в глаза, то неизвестно куда деваться...

Правда, приглашали меня в один клуб — культурником. Но я на это не пошел. Культурник обязан знать разные слова... Например, одна эта чертова викторина... Каторга, а не игра! Кто что сочинил, кто чего открыл, кто чего закрыл, кто кого победил, кто — географ, кто — чемпион, кто — химик, кто — ботаник, кто — убийца, а кто — болезнь, где протекает Баб-эль-Мандебский пролив... Я в этих проливах буквально потонул бы на глазах у публики...

В общем, после трех месяцев гранения мостовых нашел я себе непыльную работенку: комендантом в небольшом общежитии. И тоже, знаете, все на твоих руках, за все ты отвечаешь... А я хлопот не люблю. Меня с детства к другому приучали. Конечно, если бы я мог приспособить мамашу быть за меня комендантом, может, я и по сей день управлял бы тем общежитием... А сам я единолично — я извиняюсь!.. Ну что грязь у меня была, как на пашне осенью, — это полбеды. Правда, одна собачка потонула у нас подле подъезда... А в самом деле, заводят себе, понимаете ли, собачек менее 15 сантиметров росту. Курица —

и та выше. Ну, собачке — царство небесное. Только и всего. Она и живая жалобу не напишет, а тем более — дохлая...

А вот когда я забыл проверить, заперты ли на ночь двери в конторе, то добрые люди унесли пишмашинку системы «Олимпия». И еще на этой же машинке напечатали: «Спасибо товарищу коменданту за помощь в уводе данного агрегата». Из-за этой записки с меня по сей день вычитают за машинку...

После того я решил на службу не поступать. Встретил опять Альфреда Бабашкина, а он как раз в это время приспособился работать с книгами. А что вы думаете? Работа неплохая. Во-первых, сам товар какой-то он такой — миленький... Переплетики другой раз попадаются — просто пальчики оближешь. Отдельные книги даже читать завлекательно... Я, правда, не пробовал, но слышал, что многие интересуются...

Нет, книжки — верное дело. Даже если тебя зацапают у книжного магазина с дефицитным томиком под мышкой, так и тут ты — в порядке: «В чем дело? Я — просто любитель культурных развлечений. Не продаю, не скупаю, а ищу любимого поэта в ледериновом переплете»...

И все-таки сумел я засыпаться... Понес на продажу десять штук одной и той же книги. Как сейчас помню — «Королева Марго» покойного Дюма-папочки. Мне, главное, Бабашкин велел сложить девять экземпляров рядом в подъезде, а под мышкой иметь не более одной «Королевы». Продашь, говорит, эту, сходишь за другой... А мне лень было топтать каждые пять минут в подъезд: «Королеву» здесь бойко покупают... Ну, вот, засунул я все королевское поголовье сразу под одну, как сейчас помню, левую мышку и вышел на пяточок, где толкучка. А он — то есть милиционер — тут как тут. «Что это, — спрашивает, — несете?» Я ему: «Любимые книги». — «Посмотрим», — говорит. Глядь — девять «Марго», как одна копейка! Остальное вам ясно? Ну и вот!

Когда меня выпустили, я у Альфреда в ногах валялся две недели, чтобы он меня пристроил к своему новому промыслу. И тоже, знаете ли, неплохое дельце: изготовление военных подворотничков из бывшей киноплёнки. Сняли мы комнату у застройщика во флигеле на втором дворе в третьем переулке. Поставили оборудование в лице переносной газовой плитки для снятия эмульсии с пленки и начали выпекать украшения военного туалета...

И знаете, — сперва неплохо пошло... Но тоже подвела меня моя неаккуратность. Я с этой плиткой воевал, как вот на коммунальной кухне воюют со сварливой соседкой... И характер у нее, у плитки, был такой же: заядлый, злобный и мучительный. Горела она как-то набекрень: никогда нельзя было понять, в какую сторону она даст пламя...

И вот однажды эта проклятая плитка дала крен в сторону тюлевой занавески на окне... Я только успел отбежать и лицо закрыть. А тут — все наши подворотнички занялись, как фейерверк на карнавале в парке культуры и отдыха... Пррр!.. Пффф!.. Ууууу!..

Оно и само по себе не очень весело, когда пожар. А вы учтите, что к заготовленным уже целлулоидным воротничкам в количестве пятисот штук скоро добавилось воротничковое сырье, то есть тот же целлулоид от десяти до пятнадцати кило...

В общем, я так скажу: приехали к нам три пожарные команды, две кареты «скорой помощи», милиция, товарищи из райжилуправления и еще кто-то, и еще кто-то, и еще зачем-то... Меня лично увезли на «скорой помощи». Это, я считаю, я счастливо отделался. А не попади я в больницу, я бы уже поехал по бесплатному билету далеко-о-о-о...

Словом, бинты я снял только на той неделе. А Бабашкин порхает где-то в другом городе. Правда, объявлен на него республиканский розыск... Но ведь поймают ли его — еще неизвестно. Судьба! — она тебя и давит, она же и милует кого хочет...

Ну, пойду погляжу: не освободилась ли товарищ Степанова... Ой, кто-то выходит из ее кабинета. И конвойный за ним тронулся... Батюшки! Это ж Альфреда Бабашкина уводят!.. Ну — все. Тогда все. Тогда я иду за своей порцией.

В комнату с объявлением на двери «Учебная часть» вошла невысокого роста и несколько расплывшаяся женщина. Она неприязненно оглядела всех, находившихся в комнате, и спросила заранее обиженным голосом:

— Елизавету Ивановну я могу видеть?

Из-за стола поднялась молодая женщина в сером свитере. Посетительница приняла надменное выражение и задала вопрос:

— Зачем вы меня вызывали?

— Вас?

— Ну да. Я — мать Вовы Ершова. Кажется, он у вас в классе учится?..

— Совершенно верно, у меня. Садитесь, пожалуйста. Видите ли, ваш сын учится... то есть он, собственно, не учится...

— Как не учится? Он еще вчера... или нет, третьего дня я прихожу, а он сидит, чего-то пишет в тетрадку...

— Может быть, он иногда и садится за стол, но он мало учится. И потом, например, задачи он совсем не умеет решать...

— Ну, насчет задач вы бы уж лучше помолчали! Вы ему такие задачи даете, что не только ребенок, даже я не могу решить. Там что-то было насчет двухсот метров красного сукна и потом сколько-то синего... В одну трубу сукно втекает, в другую вытекает. И еще надо определить, когда поезд придет на станцию. Откуда ребенок может это знать?

— Однако остальные дети решают же задачи.

— И очень глупо делают. Я считаю, что каждый ребенок должен выбирать задачу по своему вкусу. Нравится ему — пусть решает. Нет — дайте ему что-нибудь другое.

— Простите, но у нас есть программа того, что нужно проходить в каждом классе.

— Зачем же программа? А вы сами не можете придумать, что нужно детям?

— Ну, знаете... Потом ваш Вова плохо ведет себя...

— Интересно: в чем это выражается?

— Вчера, например, он во время урока стрелял жеваной бумагой в товарищев и в потолок. Недавно как-то принес живую мышь и выпустил в классе.

— Подумаешь, есть о чем говорить! Вы бы поглядели лучше, что он дома делает. Мышь! Чепуха — ваша мышь! Он дома положил в кровать бабушке живого ежа, а вы говорите: мышь! Потом: от люстры нам пришлось отказаться совсем. Только уйдешь — Вовка залезает на люстру и качается... А на дворе?.. Вы бы поговорили с нашим управдомом! Они, кажется, там столбы вырывают — ребята. И мой, конечно, главный заводила. Да, да! Так что спасибо вам!

— Нам?!

— А кто же его воспитывает? Он до сих пор сам одеваться не желает. Если я ему не подам чулки и не помогу распутать шнурки на ботинках, так он и просидит до вечера на кровати... У меня, если хотите знать, ни одна домработница не живет!

— Да почему вы думаете, что это из-за нас?! — уже с некоторым страхом спросила учительница.

— Распустили Вову, вот он и обижает работниц! Во дворе дерется. Столбы выдирает с корнем... ну, это я говорила... Да.

— Это вы виноваты — родители.

— Ха-ха! Новость! Я и рожай, я и учи. Нет, вы постарайтесь, чтобы мой мальчик стал воспитанный, образованный, начитанный. Тогда я вам скажу спасибо, и каждый родитель скажет. А вы, думаете, за что здесь в школе жалованье получаете?

— За то, что я обучаю науке.

— Это 240 метров сукна, которые в задаче, — ваша наука? Так если хотите знать, в ваших задачах цены совсем неправильные! То дороже настоящих расценок написано, то — дешевле. Я весь задачник просмотрела. Хоть бы где-нибудь преискурант был верный! Нет, я вам скажу: Вова вас правильно не уважает. За что? Я даже ему сказала: «Твоя учительница — это тип!»

— Очень нехорошо, гражданка Ершова! Вы должны помогать школе в воспитании вашего сына.

— Нет, это вы должны мне помогать в воспитании моего сына!

— Правильно. Мы должны друг другу помогать в этом деле.

— Ну вот вы и начните. Помогите мне тем, что облегчите его уроки. Не давайте ему этих дурацких задач про сукно и про бассейны с поездами. Потом обучите его хорошим манерам: ну, я не знаю — танцам, поклонам, чтобы он рыбу не ел ножом, шею мыл бы, здоровался бы со старшими...

— Так мы никогда не сговоримся, гражданка Ершова... Я даже не знаю, как мне быть?.. Может быть, мы поговорим с директором школы?

— Очень мне нужен ваш директор! Я лучше в газету напишу о том, что вы мучаете детей и родителей. Я человек занятой, у меня хозяйство, а вы... Нет, нет, я непременно напишу в газету: «Учительница-мучительница!» Это так вас Вовка называет, и он правильно делает. Мы еще с вами повоюем. Да, да! И неизвестно: кто кого, чей верх будет. Так-то! До свидания!

Гражданка Ершова последний раз оглядывает комнату своими глазами самолюбивой и обиженной коровы и плавно удаляется в коридор. Она считает, что отлично выполнила роль матери и гражданина.

Гражданин Растегнуев проснулся в своей грязной и плохо убранной комнате около 7 часов утра. Спустив на пол ноги, Растегнуев поглядел на ходики, бойко махавшие маятником на стене, некогда обклеенной ядовито-зелеными обоями, зевнул и засунул ноги в валенки с лошадьми. Затем он надел некое подобие пиджака и вышел на кухню.

Несмотря на раннее время, там уже с присвистом шипело на плите газовое пламя, и самая рачительная домохозяйка — Анна Егоровна, скрестив руки на груди, беседовала со студентом Михайловым, который недавно поселился в квартире.

— А вы попробуйте, сходите на рынок, — советовала студенту Анна Егоровна. — Может, аккуратно и найдете подходящую цепь к вашему велосипеду...

Тут, увидев Растегнуева, Анна Егоровна прервала свои советы и сказала:

— Гражданин Растегнуев, Иван Пафнутыч, с вас получить надо: пол натирала у нас в коридоре. На вашу долю приходится сорок три копейки.

Растегнуев сделался сразу весь красный.

— Какие это еще сорок три копейки?! — заорал он. — С нищего инвалида норовят слупить за что ни попади! Что же я — бывший регент, что мне полы надо натирать?! Что я — атташе какое-нибудь?!

— А вы, товарищ, действительно — инвалид? — мягко спросил студент.

— А как же?! Вот уже семнадцатый год являюсь третьей группы грыжевик. Имею, если хотите знать, справки. — И Растегнуев стал извлекать из всех карманов помятые полуистертые бумажки.

— Верю, верю вам, товарищ, — поспешно сказал Михайлов и, обращаясь к Анне Егоровне, добавил: — Надо бы пересмотреть вопрос насчет денег... Нельзя же, в самом деле, с инвалида...

Но Растегнуев этого уже не

слыхал. Растегнуев находился теперь в своей комнате, дверь в которую он запер изнутри и подергал за ручку, проверяя при том: заперлась ли? Затем он полез под кровать, со скрипом извлек на свет божий плетеную корзинку, которая когда-то, надо полагать, представляла собой строгий параллелепипед, а теперь более походила на раздавленное яйцо. В корзине под ворохом грязного тряпья и старой обуви оказалась жестяная коробочка, в какой выпускают в продажу леденцы. Но в коробочке лежали не леденцы, не подушечки с начинкой и не ломтики мармелада, заgrimированные под апельсиновые дольки, а главным образом — сторублевые да пятидесятирублевые бумажки; зеленели, впрочем, несколько пятидолларовых купюр и сиротливо перекатывались по коробочке три золотых монетки с курносым царским профилем.

«Инвалид» извлек одну сотню, чем в весьма малой степени обездолил коробочку; тщательно спрятал деньги во внутренний карман пиджака, а карман застегнул английской булавкой; затем задвинул корзину обратно и тепло, для улицы, оделся. Когда Растегнуев проходил по коридору, Анна Егоровна окликнула его:

— Насчет денег за полотера не беспокойтесь: студент наш, Михайлов, заплатил за вас.

— Ладно,— сварливо буркнул Растегнуев, растворяя дверь в подъезд.— Осчастливил, подумаешь!..

На трамвайной остановке, многолюдной в этот час, Растегнуев действовал очень активно: расталкивая всех желающих попасть в вагон, он первым выпрыгнул на площадку, причем чуть не сшиб с ног стоявшую там некую гражданку в сером берете.

— Видали вы их? — заворчал сейчас же Растегнуев.— Людям на работу надо, а тут эта фря расположилась. Ну чего стала?! Проходи в вагон, пока жива!..

Местом деятельности инвалида Растегнуева оказалась одна из московских застав. Здесь он покинул вагон трамвая и прошел вперед по улице, давно уже перешагнувшей старинную площадь заставы.

Через некоторое время Растегнуев увидел въезжавший в город грузовик, в кузове которого сидел поверх прикрытого брезентом груза колхозник в запыленном ватнике. Резво выбежав на мостовую, грыжевик третьей группы темпераментными жестами остановил машину.

— Браток,— крикнул Растегнуев, подбегая к самому борту грузовика,— чего везешь?

— А тебе что? — после паузы спросил колхозник.

— А то, что можем тут скупить. Все тебе выгоднее, чем по городу-то трепаться.

— Чем же выгоднее?

— А вот как начнут у тебя на рынке бумаги проверять, да печати ставить... а то еще и реквизируют... Ну, чего везешь-то?

— Барана... подсвинка опять же...

— Ну вот. Как реквизируют барана, как потягают в милицию,— Растегнуев заведомо лгал. Но ему удалось посеять сомнения в душе колхозника.— Показывай, брат, лучше своего барана...

— Что ж, показать — показать можно,— задумчиво отозвался колхозник.— Вот он — баран, весь тут...

И колхозник стал развязывать мешки. Вылезли наружу белорозовые части разрезанных на куски туш...

Начался торг, во время которого Растегнуев, в основном, пугал неприятностями, ожидающими колхозника в городе, а колхозник хвалил свой товар. Шофер вылез из кабины и, став рядом со спорящими, вертел головою, стараясь не пропустить ни одного слова из доводов Растегнуева и тушевладельца... Неизвестно, чем и когда кончился бы этот торг, если бы внезапно не подошел к машине некто, голосом и манерами напоминающий самого Растегнуева, и не прохрипел бы:

— Чего продаешь, земляк?

— Ничего, ничего не продает! — поспешил Растегнуев.— Получай деньги, браток!

И он, послунив зазябшие пальцы, стал совать сторублевку колхознику.

Студент Михайлов, почитав часа полтора у себя в камерке «Сопротивление материалов», отправился на рынок поискать передаточную цепь для велосипеда. Но неопытный Михайлов попал в мясной ряд вместо скобяного. Продираясь сквозь плотные ряды домашних хозяек и продавцов с красными, как само мясо, руками, студент торопился исправить ошибку и уйти отсюда. И вдруг он услышал знакомый голос:

— С колхозника норовят слупить за что ни попади! — рычал голос.— Что же я — бывший регент или я — атташе какое-нибудь?!

Михайлов обернулся. Сзади него стоял инвалид в кавычках Растегнуев с половиной бараньей туши в руках; на нем был белый фартук. А подле Растегнуева открывал свою полевую сумку милиционер.

— Да! Колхозник! — продолжал Растегнуев. — Вот, если не верите, документы...

И он, как давеча, совал милиционеру истертые и смятые клочки бумаг. Михайлов кинулся к Растегнуеву.

— Так вы, значит, и колхозник тоже? — сказал студент.

Растегнуев икнул в середине фразы, повествовавшей о том, что он лично — не бывший фабрикант...

— Да... Я, безусловно, этот — как его? — член трудового коллектива советской деревни, — пробормотал он неверным голосом. — Я состою в артели «Красный восход»... А как же?

— Вы, значит, живете у нас в квартире и вы же — колхозник?

— Да. Я еще и инвалид. Грыжа третьей гру... — тут Растегнуев оборвал себя сам и покорно спросил у милиционера: — Барана куда девать?

— В отделении все рассортируем. Пройдемте, гражданин! — И милиционер обратился к Михайлову: — Вы пойдете с нами, товарищ?

Михайлов сдвинул с затылка кепку и почесал голову: приобретение цепи явно откладывалось.

Канцелярский стол. На нем — плакатик: «Судебный исполнитель 2-го участка». Телефон. За столом сидит женщина лет 38 и пишет. Взяла телефонную трубку, набрала номер:

— Александра Семеновна, мои повестки вы отправили? Ну да, я говорю: Терещенко, из второго участка... Не может быть! Ну я сейчас зайду сама, разберемся...

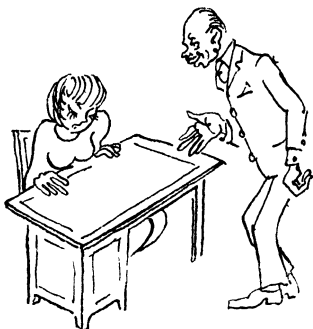
Она уходит. И очень скоро входит средних лет гражданин, одетый солидно и со вкусом. В руке у него небольшая бумага, которую он читает на ходу:

— «Комната 8, судебный исполнитель 2-го участка тов. Терещенко». Очевидно, здесь... И — никого. Прелестно! Вызывают занятого человека, а сами — фьюить!.. Что ж, подождем...

Он сел за стол, набрал номер на телефоне, заговорил:

— Анна Васильевна? Я говорю. Смирнов. Очевидно, я сегодня опоздаю. Вызван в суд по делу... ну, по одному серьезному делу в качестве эксперта. Да, крупный процесс... Предупредите начальство. Да, да, надеюсь, после обеда я появлюсь... Привет. (Положил трубку; снова набрал номер.) Павел?.. Я... Откуда я говорю? Отсюда. Ну да, от судебного исполнителя. Не имел еще удовольствия с ним познакомиться. Жду... Голубчик мой, я же не робкий юноша. Слава богу, не первый раз меня вызывают по таким делам. Только бы узнать точно: чей это исполнительный лист — Тамары или Клавдии?.. Тебе хорошо смеяться, а я из-за моей пагубной привычки часто жениться... ха-ха-ха... Пошляк! Ты не ценишь семейного уюта. А я, очевидно, чересчур высоко его ценю... Ну ладно. Вечером я тебе отвечу на все твои шуточки... Пока. (Положил трубку.) Та-ак. А товарища Терещенко все нет и нет. И сколько это будет продолжаться — неизвестно.

Встал, отошел к окну, напевает: «Я вас любил так искренне, так нежно...».

Вернулась владелица стола, садится на свое место, пишет и спрашивает, не отрываясь от бумаги:

— Вы ко мне?

— Мне нужен судебный исполнитель товарищ Терещенко.

— Это я.

Она все еще не подымает головы.

ОН (в сторону). Женщина?.. Тем лучше... (Приближается к столу.) Я пришел по вашей повестке...

ОНА (не подымая головы). Фамилия? (Пишет.)

ОН. Смирнов Василий Петрович.

ОНА (подняла голову). Вы?!

ОН (растерянно). Марина?!

ОНА. Как видите.

ОН. Но почему Терещенко?

ОНА. Простите, я без вашего разрешения вышла замуж...

ОН. Да, конечно, это понятно... Вот уж никогда не думал...

ОНА. И я, когда имела честь быть вашей супругой, не думала, что буду работать в народном суде...

ОН. Как ты выросла... морально... интеллектуально, я бы сказал... и вообще...

ОНА. Вы находите?

ОН. Я просто поражен. Вы именно похорошели... Да, да!

ОНА. Это к делу не относится.

ОН. Вы все еще сердитесь на меня?

ОНА. Разве на таких, как вы, сердятся? Их презирают.

ОН. Это вы мне говорите, как судебный исполнитель?

ОНА. И как судебный исполнитель, и как ваша бывшая жена, и просто как гражданка Советского Союза.

ОН. А это относится к делу?

ОНА. Да. Это вытекает из сути вашего дела: я вас пригласила по поводу неуплаты алиментов.

ОН. Простите, нашей дочери 19 лет и я не обязан...

ОНА. Моей дочери, действительно, 19 лет. Вы ей ничего не обязаны, и она вам, к счастью, ничем не обязана. Но тут имеется исполнительный лист от другой женщины.

ОН. От какой?

ОНА. А вы не знаете?

ОН. Догадываюсь, конечно, но хотел бы уточнить...

ОНА. А что — теперь приходится удирать уже от нескольких жен сразу?

ОН. Почему же — сразу?.. Постепенно... То есть я хочу сказать: предъявите мне исполнительный лист.

ОНА. Предъявим, можете не тревожиться. Скажите: давно вы уклоняетесь от этого листа?

ОН. Нисколько я не уклоняюсь... И тем более вы теперь знаете, где я работаю,— пожалуйста, можете наложить арест на одну треть моего заработка...

ОНА. Почему именно на треть?

ОН. Слава богу, я законы знаю: двое детей — треть.

ОНА. Да, этот раздел кодекса вы, безусловно, изучили на практике. Только здесь речь идет об одном ребенке.

ОН. Разве?.. Разрешите взглянуть... (Берет у нее бумагу.) Ага! Лист из Тамбова. Ну что же, я готов написать вам заявление в нашу бухгалтерию: пусть вычитают четверть моей зарплаты — и все...

ОНА. Думаете этим отделаться?

ОН. Марина, ну почему ты стала такая колючая,— у? Вспомни: как мы красиво проводили с тобой вечера... Помнишь: я тихо играю Шопена, а ты, забравшись с ногами на тахту...

ОНА. ...просидела там, пока ты не удрал от меня и от Светланы, когда ей было два года!..

ОН. Ну, не надо, моя дорогая... Давай хоть минутку поговорим о нашем обаятельном прошлом... Ты не хотела бы еще хоть раз навестить мое гнездышко?

ОНА. Думаю, что придется это сделать.

ОН. Ну вот и прелестно. Сговоримся точно... сегодня или, может быть, лучше завтра... я куплю твой любимый ликер — о, я не забыл, что ты предпочитала «бенедектин»...

ОНА. Сейчас я предпочитаю кончить поскорее дело о взыскании алиментов. Впрочем, поедем к вам еще сегодня. Значит, по этому листу — один, а где-то там еще есть двое.

ОН. Кто вам мог сказать?

ОНА. Вы сами.

ОН. Это ложь! Когда?

ОНА. Вспомните: вы сперва согласились платить треть. Значит, где-то есть еще двое детей.

ОН. Но второго исполнительного листа у вас нету! Авансом вам никто не позволит взимать. Да-с!

ОНА. Пойдет в погашение тех трех лет, что вы не платили по этому листу.

ОН. Ну, знаете. Вы не судебный исполнитель, а какой-то иезуит! И еще имеете наглость заявлять, что сегодня пойдете ко мне в гнездышко!

ОНА. Непременно пойду: надо же описать обстановку, потому что недоимка по этому листу — тысяча двести рублей.

ОН. А у меня ничего нет! Квартира пустая!

ОНА. А рояль, на котором вы играли Шопена? А стоячая лампа? А тахта?.. Я-то помню ваши вещи!

ОН. Простите, одну минуточку...

И он поспешно идет к выходу.

ОНА. Если вы торопитесь вывезти обстановку — не советую.

ОН (остановился). Что?

ОНА. Я сейчас поеду прямо к вам и наложу печати. И вообще это уголовно наказуемое деяние — вывозить вещи от описи.

ОН. Не может быть?!

ОНА. Очевидно, этот раздел кодекса вам известен меньше... Пройдемте со мною в канцелярию суда. (Идет к двери и рукою указывает ему, что он должен идти вперед.)

ОН (уходя). Это западня какая-то!

ОНА. А вы повторите ваши слова там — при свидетелях. Можно будет еще оптрафовать за оскорбление судебных работников при исполнении обязанностей.

Ушли оба...

Величественно-тучный директор продовольственного магазина показался в дверях сзади прилавка и сильным голосом с одышкой пророкотал:

— Марь'Максим'на, потом загляните ко мне...

Через четыре минуты заведующая секцией гастрономии Марья Максимовна — особа лет пятидесяти с подозрительными глазами, непрерывно бегающими, как глазки у кошки, нарисованной на циферблате часов-ходиков, — втиснулась в чуланчик, называемый здесь «кабинетом самого». А «сам», сидя за крошечным столиком (другой стол и не поместился бы), жестами показал, чтобы заведующая секцией прикрыла за собою дверь и приблизилась. Когда это было исполнено, он заговорил свистящим шепотом:

— Я в отношении этой девчонки, — и кивнул подбородком в сторону торгового зала.

— Васютиной? — сразу же поняла Марья Максимовна.

— Вот именно. С нею надо кончать. Сегодня она опять меня спрашивала: «На каком основании Прохорчук вынес вчера из магазина ветчину?..» Потом углядела, что ваша мамаша заходила за сливками и яичками, и тоже высказала замечание...

— Я же давно говорю, Иван Евдокимович! Она нас до добра не доведет!.. Чистая бузотерка!

— Вот именно... Ну я тут кое-что придумал в этом отношении... Видите? Сверточек. Надо бы ей данный сверток тихонечко подложить в личный шкафчик... А вечером как раз, мне известно, контролер к нам пожалует, ну и...

Тут директор сделал выразительное движение ладонью...

— Понимаю. Понимаю, Иван Евдокимович, и вполне согласна. Именно так и надо сделать. Только...

— Что — только?

— Кто ей это подsunет? Мне самой — вроде неудобно: наши продавщицы всегда вертятся око-

до шкафов: кто там пудрится, кто платочек берет, кто — со смены, кто — на смену...

— А вы вот что: вызовите ко мне уборщицу тетю Варю.

— Вот это правильно, Иван Евдокимович! Тетя Варя — самый подходящий человек для такой операции... Она у нас тихая, как мышка... Ко всему она привыкла... И к ней привыкли: никто не удивится, что она задержится возле тех же шкафов...

Открыв дверь чуланокabinета, Марья Максимовна возопила:

— Тетю Варю там кликните!.. Я говорю: уборщицу тетю Варю — к директору, — вы слышите, девочки?..

И через короткий промежуток времени маленькая старушка в синем халатике, с венчиком и тряпкой в руках, предстала перед обоими руководителями магазина. Выслушав указание и пожевав губами крошечного впалого ротика, старушка произнесла тихим голосом:

— Нукчтож... это завсегда можно... Где сверточек-то?..

— А вот он. Значит, ты поняла, тетя Варя? Чтобы не дай бог эта Зинка Васютина не заметила бы, как и что ты кладешь! — так наставляла Марья Максимовна.

— Неужто не сделаем?.. Комар носу не подточит!

И тетя Варя, имитируя осторожную походку пограничника, крадущегося за нарушителем границы (как это изображается в приключенческих фильмах), со свертком в руках направилась к выходу из кабинеточулана...

...— А чей шкафчик будет № 8? — спросил контролер.

— Лично мой! — с достоинством ответила Марья Максимовна.

— Та-ак... посмотрим, как вы его содержите с точки зрения санитарии и гигиены...

И контролер открыл створку узенького «личного шкафчика» № 8. Заглянув вовнутрь, он заметил:

— Нет, у вас все, конечно, в порядке... а тут что? Позвольте, позвольте... кулечек-то довольно солидный... Что в нем?.. Ага! Так и надо было думать... ассортимент вашего магазина? Даже пакеты фирменные... Значит, сигналы в отношении этого дела подтверждаются... Интересно!

Марья Максимовна, выпучив глаза, смотрела на сверток, покачивавшийся в руках контролера. Из-за ее спины вытянул голову директор Иван Евдокимович и, раскрыв

рот, дышал, словно сазан, выброшенный на берег. Стали скапливаться продавцы.

Наконец Марья Максимовна, что называется, очухалась и визгливым фальцетом произнесла:

— Клянусь вам, я не понимаю: как он мог сюда попасть?!

Контролер кивнул головою и саркастически улыбнулся:

— В подобных случаях всегда так говорится. Что ж, придется составить актик, товарищ директор. Где ваш кабинет?..

— Та... та... там кабинет... Попрошу налево...

В кабинет шли как за гробом: медленно, глядя вниз перед собою с печальным выражением на лицах. Замыкал шествие директор. Вдруг он увидел у двери, ведущей в торговый зал, тетю Варю. Старушка, задрав голову, смотрела на процессию с нескрываемым любопытством профессионального зеваки. В ее зрачках блестели искорки восторга.

— Ты это что ж натворила, старая карга?! — прошипел директор, поравнявшись с уборщицей.

Тетя Варя даже разинула рот, услышав этот упрек. Обида отразилась на морщинистом личике старушки.

— Чтой-то вы говорите?! — быстрым шепотом начала она, — как вы сказали, я так и сделала: выждала, пока Васютина занялась с покупателями, и сунула в шкафчик Марь'Максим'ны эту вот благостыню...

И наивная старуха сухоньким пальчиком указала сверток, несомый контролером на вытянутых руках впереди себя на расстоянии 60 сантиметров.

— Так разве ж тебя о том просили?! — зарычал директор, воровато оглянувшись на контролера.

— А об чем же? Слава те, господи, не первый раз Марь'Максим'ну выручаем: то то ей подкинешь в шкафок, то другое... А этой новенькой, Зинке то есть, так разве ж ей всучишь что?.. Она ж и так и вас, и Марь'Максим'ну, и того же товарища Прохорчука срамит, где только может...

И столько убежденности в собственной правоте было в глазах старухи, в выражении ее остренькой физиономии и даже в энергичной складке сжатого ротика, что директор только рукой махнул. К тому же он услышал голос контролера:

— Товарищ заведующий, давайте уж сперва напишем акт, а сотрудников инструктировать насчет этого дела будете потом!

...Через сорок минут Марья Максимовна, выходя с заплаканным лицом из знакомого нам чуланокabinета, поворачивала между бесконечными сморканиями:

— Погубила меня, проклятая старушонка! Без ножа зарезала! Убила и голову оторвала!

А в другом конце магазина «проклятая старушонка» горячо оправдывалась перед обступившими ее продавцами:

— А я — что? Я ведь, как всегда: что мне даст Марь'Максим'на, — несу ей в шкафчик. Что Иван Евдокимович сунет — в его несгораемый ташу прямо же в кабинет... Как меня приучили, так я и сделала...

И тут «бузотерка» Васютина веселым голосом отзывалась:

— Правильно, тетя Варя! Ты так и начальству расскажи! Твоя привычка очень важное имеет значение! Именно тем, что она — привычка!..

Ночь. В комнате с занавешенным окном и запертой дверью сидит за столом некто Захарчук Дмитрий Петрович и пишет, с восторгом повторяя вслух каждое слово:

«...Гражданка Конылова неизвестно на какие средства два года подряд ездит в Сочи. И ежедневно она обедает из трех блюд. А в четверг варила даже четыре блюда, а именно: борщ, антрекот, пудинг плюс компот, который она замаскировала, как якобы подливку к пудингу...»

«...рекомендую обратить внимание на семейство Перепелушкиных, где процветает разгул в форме ежесубботного преферанса. А кончают сплошь и рядом глубокой ночью, заставляя соседей просыпаться и выходить на босу ногу в подъезд, чтобы посмотреть, кто уходит, с опаской простудиться. Лично я, например, получил исключительно через этих Перепелушкиных один грипп и четыре насморка...»

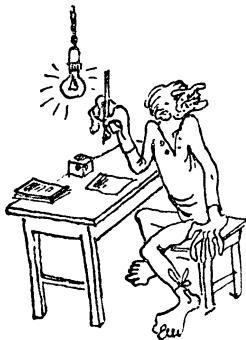
Оторвавшись на секунду от процесса писания, Захарчук поглядел на будильник и воскликнул шепотом:

— Ого! Уже четыре с четвертью!.. Пора и на покой. Славно я потрудился!..

Положив ручку на стол и спрятав бумаги под замок в ящик комода, усердный сочинитель неторопливо разделся и лег на узкую койку, откинув предварительно старенькое солдатское одеяло. Он некоторое время еще поворочался, прилаживая голову к плоской подушке, затем глаза его прищурились и часто замигали.

А минуты через три веки сомкнулись, мигание кончилось и из отверстого рта вырвался залихватый храп...

В семь часов, когда в комнате затрещал будильник, хозяин комнаты и будильника досматривал интересный сон. Снилось Дмитрию Петровичу, будто бы он поймал на месте преступления покойного своего учителя по математике Александра Порфирьевича — в тот самый момент поймал,

когда математик тайком подчищал в классном журнале третьего класса Пензенской мужской прогимназии пятерку по алгебре, честно заработанную самим Захарчуком, превращая ее в двойку. И будто бы, ощутив на своем запястье крепкое пожатие Захарчука, учитель вздрогнул, заплакал и стал молить своего ученика не давать делу о подчистке отметки законного хода. А он, Захарчук, будто бы улыбнулся снисходительно и иронически и только собрался было сурово отказать преступнику, как почувствовал, что просыпается: стал слышен звон часов. Захарчук повернулся на другой бок, но скоро ощутил, что сна больше не будет. Напрасно только он напрягает закрытые веки, чтобы не пустить в глаза ясный утренний свет...

Димитрий Петрович вздохнул, откинул одеяло и, сев на кровати, натужным движением спустил на пол ноги. Из коридора и соседних комнат доносились уже разнообразные звуки: квартира проснулась и жила своей сложной жизнью. Димитрий Петрович прислушался, желая уловить какие-нибудь предосудительные шумы, недозволенные обязательными постановлениями. Но таковых не было. Звуки показывали, что соседи Захарчука готовились к трудовому дню и только.

Одевшись наполовину, Димитрий Петрович вышел в коридор с полотенцем и мылом в руках. Когда он появился у дверей своей комнаты, кое-кто из соседей был замечен на пути в ванную. Но тотчас же все исчезли. Это отчасти рассердило Димитрия Петровича, а отчасти пришлось ему по сердцу. «Боятся, черти, со мной затевать ссоры... то-то!» — подумал Захарчук. И в тот же миг увидел пятилетнего мальчугана, который с любопытством поднял голову, чтобы рассмотреть сердитого дядю. На всякий случай Захарчук сказал:

— А ты зачем обои пачкаешь в коридоре, — у?

— Когда пачкаю? — невинно спросил мальчик.

— А вот увижу, когда пачкаешь, и за уши оттаскаю!

Мальчик подумал немного и стал изображать на лице предплачевую гримасу. Но потом, видимо, перерешил, — плакать не стал и бегом умчался к маме.

Захарчук же мысленно начал сочинять текст заявления на родителей этого мальчика: «...мало того, что не умеют призвать к порядку своего ребенка, еще подучивают его портить обои в местах общего пользования, как-то, напри-

мер: в коридоре, в передней и в ванной...» Вспомнилось сейчас же, что в ванной обоев нет, по стенам — кафель. Но без упоминания о ванной бумага выйдет скучнее. Лучше уж ванную не вычеркивать...

Захарчук глянул на часы: времени оставалось мало. И потому, оставив всякие посторонние мысли, приналег на умывание, завтрак, поиски портфеля (всегда пропадает, проклятый, словно его черт уносит! а может, и не черт, а кто-нибудь из зловредных соседей?..)

Портфель, однако, нашелся под столом, и, схватив его за непрочную ручку, Дмитрий Петрович почти рысью выбежал на улицу.

Зато в трамвае от Захарчука уже не зависело увеличить скорость приближения к службе. В трамвае Дмитрий Петрович с удовольствием включился в ссору двух пассажиров. Кондукторша стала на сторону, противную Захарчуку. Ну что ж, запишем ее номер. И выйдя из вагона, Захарчук на всякий случай запомнил номер вагона. Вагон удалялся, покачиваясь на рельсах, как гигантская утка... Захарчук подумал, что вот — уезжает столько народу. Наверное, среди них есть и такие, на которых стоило бы написать заявление-другое. Да теперь ничего не сделаешь: они уже на полкилометра отъехали... Захарчук вздохнул и поплелся на работу.

Гардеробщик оставил гражданку, у которой принимал пальто, и со всех ног кинулся к Дмитрию Петровичу. Герой наш с удовольствием отметил такую услужливость: «Хе-хе, стал теперь вежливым, не зря, выходит, двенадцать раз я обращался в хозчасть по поводу этого грубияна!..» Сдавши свою шубу, Захарчук направился в комнату № 7, где помещался отведенный ему канцелярский стол.

При входе Захарчука сослуживцы умолкли. Каждый склонился над своими бумагами.

— Здравствуйте, — ласковым голосом пропел Дмитрий Петрович.

Ответили не сразу и не все. Захарчук постарался запомнить, кто промолчал. Повторил получившийся список мысленно три раза. Сел за стол. Вынул из запертого ящика свою ручку, свою чернильницу, свое пресс-папье... Вынимая, оглядывал сослуживцев. Ничего такого не заметно. Разве вот только эта девчонка Пирогова смотрит на него, на Захарчука, с открытой неприязнью. Ну что ж, дайте срок, товарищ Пирогова, рассчитаемся с вами...

Совсем было собрался заняться работой, как вспомнил, что надо переписать набело два-три заявления кое на кого... Вынул черновики и, вкусно макая перо в чернильницу, вкусно выводя прописные буквы, вкусно шепча про себя текст черновика, принялся переписывать. Очень был недоволен, когда отвлекли от этого занятия: прибежала секретарша и сказала, что управляющий трестом немедленно вызывает Захарчука к себе.

Состроил недовольную гримасу, не торопясь спрятал в стол все извлеченные давеча предметы и пошел по вызову. В коридоре уже подумал, что вот, пожалуй, будет случай кое-что шепнуть управляющему и про Пирогову и еще о трех-четырех товарищах. Развеселился при этой мысли. Но к управляющему в кабинет вошел с постным лицом. Поклонился у двери. Вообще всем своим видом показывал, что знает субординацию. А сам утешался мысляшкой: «Ладно, ладно, может, и на тебя какой-никакой материальчик накопим здесь...»

Управляющий оторвался от толстой ведомости и сказал:

— Вот что, товарищ Захарчук, кажется, вы у нас прикреплены к объекту № 12?

— Точно так, Николай Павлович.

— Так будьте любезны: надо поднять отчетность по этому объекту за прошлые два года. Там получается недоразумение со сметой. Банк, понимаете ли, считает, что у нас — перерасход. А на деле словно бы это не так. Вам ясно?

Перед тем, как ответить, Захарчук пожевал губами и насупил брови. Потом только произнес:

— Ясно-то — ясно, Николай Павлович... Но вот, что я думаю: почему бы это дело не поручить Пироговой?.. У меня и так хватает работы, а она, понимаете ли, имеет еще время и губки мазать, и глазками стрелять, и...

— Вот тебе нá! Пирогова ж к объекту № 12 никакого отношения не имеет. Она и поступила позднее...

— Тем более, пусть приучается...

— В конце концов, это не ваше дело! — перебил управляющий. — Потрудитесь выполнять распоряжение. Очень много стали брать на себя, товарищ Захарчук!

Димитрий Петрович ответил скромной улыбкой. Но подумал, разумеется, так: «Ладно, посмотрим еще, кто это много на себя берет!» — И вслух добавил:

— Слушаюсь. Разрешите идти?

Управляющий разрешил. Обратил к себе в комнату № 7 Димитрий Петрович чуть не бежал. А добежав до своего стола стал сочинять заявление на управляющего.

Опять потревожили. Но повод отвлечения на сей раз был приятный: вызывали в местком получить путевку в дом отдыха. Захарчук поспешил в местком. И снова — неудача: путевку дали в подмосковный дом отдыха. А направление в Крым, которого добивался Захарчук вот уже два месяца, месткомщики почему-то хотели отдать сотруднице Лопатиной. Объясняли они это тем, что у Лопатиной якобы склонность к туберкулезу. Но, конечно, врал. Кто же их не знает — этих месткомщиков?.. Уж Димитрий Петрович нравы их изучил хорошо. Путевку под Москву он пока возьмет. Но на чистую воду выведет всех: и симулянтку эту Лопатину, и самих месткомщиков...

А уже наступил обеденный перерыв. И Захарчук направился в столовую. По его требованию обменен был кусок рыбы, выданный ему на второе, перевешали хлеб, принесли другую вилку...

Возвращаясь по коридору к себе в комнату № 7, Димитрий Петрович с удовольствием даже отмечал, что встречавшиеся сотрудники треста отворачивались либо почтительно кланялись первыми. Тех, кто отворачивался, запомнил.

А в комнате, где работал Захарчук, его ждал радостный сюрприз: принесли повестку от районного прокурора. Прокурор приглашал Димитрия Петровича на завтра в десять часов утра к себе. Димитрий Петрович просто расплылся в счастливой улыбке, прочитав приглашение. Неясно было только: какое из многочисленных заявлений возымело свое действие? На всякий случай Захарчук стал подготавливать к докладу для прокурора все свои жалобы за последние три года.

Разбирая жалобы, Димитрий Петрович вспомнил, что ему надо бы заняться отчетностью объекта № 12. Но сразу решил подождать с отчетностью: жалобы-то — материал куда более интересный.

Жалобы заняли и остаток служебного времени, и вечер того же дня — дома, и ранние утренние часы: по такому случаю Захарчук проснулся ровно в шесть, как только у соседей заиграло радио (ладно уж, так и быть, сегодня сориться из-за этого не станем!).

В 9 часов 58 минут Захарчук входил в приемную рай-прокурора; при этом зеленая бумажка с печатным текстом приглашения была прижата к области сердца. Секретарша прокурора, узрев бумажку, сразу доложила и сразу же пригласила Дмитрия Петровича войти в кабинет. Наскоро улыбнувшись секретарше (небось теперь с ходу впускает к самому; а раньше как бывало? — по часу дожидался, да и то не мог проникнуть в кабинет!), Захарчук открыл заветную дверь. Прокурор стоял у батареи отопления и грел руки. Дмитрий Петрович поклонился с достоинством и с некоторой фамильярностью, как человек, добившийся — наконец! — признания и даже — если хотите — отчасти коллегам самого прокурора по бдительному уловлению всяких нарушений...

Прокурор вернулся к своему столу, сел. Захарчук тоже сел как можно ближе. Разложил на коленях папочку с копиями всех своих заявлений и жалоб. Развязывая на папочке тесемки, проворковал:

— Давно, давно пора нам повидаться, товарищ прокурор!

Прокурор глянул с удивлением прямо в глаза своему посетителю. Усмехнулся.

— Да и мы считаем, что давно уже пора...

— Та-ак. Ну-с, надеюсь, вы читали мои заявления?

— Читал. Боюсь, правда, что не все...

— А ничего. Сегодня я все принес. Вот они где! — Дмитрий Петрович похлопал по папочке. — С кого мы начнем?

— Я думаю, и начнем мы с вас и копчим вами.

— А? — Захарчуку показалось, что он ослышался. Потом мелькнула мысль, что прокурор шутит — знаете, всегда перед сложной и длительной работой неплохо пошутить. Захарчук пристойно и коротко хохотнул. — Так обо мне, говорите? Хе-хе!

— Именно, гражданин Захарчук. Теперь ко мне пересланы ваши заявления на соседей, сослуживцев, знакомых... Что-то около двухсот штук. И это, очевидно, еще не все, а?

По напряженному лицу Дмитрия Петровича видно было, что он с судорожной быстротой старался решить, как ему выгоднее ответить: все или не все — эти двести кляуз?..

Он спрятал папку под себя, снова улыбнулся — на сей раз безо всякой фамильярности — и медовым голосом сообщил:

— Почему же — не все?.. То есть, может быть, и не все, но ведь я стараюсь во имя, так сказать, справедливости, во имя, так сказать, имени...

— Мы сами знаем, во имя чего вы старались: во имя склочного своего характера.

Димитрий Петрович внезапно почувствовал, что пот катится у него по лицу. Надо бы вытереть, но он решительно разучился это делать. А в голове сами собой слагались фразы будущего заявления о безобразном поведении прокурора: «...вместо того, чтобы дать ход моим сигналам на ряд нарушений во многих областях, позволил себе угрожать мне... несомненно наличествует преступная спайка органов прокуратуры с теми, кто... со своей стороны прошу оградить меня впредь от...» И вдруг понятно стало: в данном случае это только ухудшит положение. Тогда что же делать? Может, все-таки попытаться обратиться в вышестоящие органы?.. Или — помириться с этим прокурором, или притвориться, что убежден в его правоте?..

А голос прокурора сурово вещал:

— Мы возбуждаем дело против вас. Знаете, сколько людей зря проводили по вашим доносам ревизии, обследования, разбирательства? Сколько честных работников было опорочено? Сколько вреда вы принесли целым организациям?..

Захарчук придумал наконец, что ему надо сказать:

— Поверьте, я искренне хотел только лучшего!.. За что же возбуждать дело?! Я боролся, борюсь и всегда буду бороться...

— Думаю, больше вам уже не удастся, как вы говорите, «бороться», то есть клеветать на честных людей...

В руках у прокурора вдруг появился лист с печатным заголовком — «ПРОТОКОЛ ДОПРОСА».

— Итак, ваша фамилия, имя и отчество?

Дрогнувшим голосом Захарчук сказал:

— Поверьте, я больше не буду...

— Это вы на суде скажете.

— На... на каком суде?! Меня разве будут судить?.. Но за что же?! Что я такого сделал?!!

— А словно вы не знаете!.. Значит, Захарчук Димитрий Петрович. Так? Где вы работаете?

Захарчук очень громко проглотил слюну и воскликнул:

— Я знаю, чьих рук это дело! Охотников, Василий Никифорович. Охотников! За то, что я его вывел на чистую воду с его проектами...

— Вы будете отвечать на вопросы?

— Конечно! И вы, гражданин прокурор, вы — тоже с ними заодно. Я так и напишу туда... наверх! Потрудитесь и вы мне подтвердить: как ваша фамилия, гражданин прокурор?

— А вы говорили, что больше писать не станете. Или хотите, чтобы приговор был поостроже, да?

Вот тут Захарчук в одно мгновение сник, и из глаз его пролились скупые и злые слезы. Жалобным фальцетом он провыл:

— Помогите мне, товарищ прокурор, я вас очень прошу!.. Я про всех напишу, что они не виноваты. Про всех, на кого я делал заявления! Извинюсь перед ними! И даже путевку — путевку в дом отдыха я возвращу обратно в местком...

Но прокурорское перо уже скользило по листу с этим грозным названием — «ПРОТОКОЛ ДОПРОСА»... Захарчук умолк и громко высморкался. Слезы полились чаще и скорее... Острое сожаление о том, что так легкомысленно придумывал он про десятки людей самую дикую клевету, как бы сжало его мозг и сердце. Затем оно уступило место страху — паническому страху предстоящего наказания. И Дмитрий Петрович Захарчук весь затрясся в мелкой нервной дрожи. Того, что говорил ему в это время прокурор, он не понимал и просто не слышал...

— Давайте узнаем у прохожих! — сказал предместкома Батищев. — Товарищ Григорьев, остановитесь, пожалуйста...

Машина затормозила. Председатель культсектора Карпухина через окно крикнула велосипедисту, проезжавшему мимо:

— Товарищ, не скажете, где тут сворачивать на Бизюково?

— Бизюково вы проехали, — пояснил велосипедист. — На Бизюково во-о-о! где надо было повернуть... Теперь уж езжайте так...

Как водится, полной ясности указания не дали. И представители общественности энского управления (предместкома Батищев, председатель культсектора Карпухина и секретарь парторганизации Свиристенко) приблизились к даче Лавренышева (к которому ехали) не со стороны фасада, а сзади и сбоку, где петлял не то проулок, не то межа двух усадеб...

До самого участка добраться на машине было невозможно. Представители покинули «Волгу» и вошли через боковую калитку, проследовав мимо огорода, мимо крепких сараев и роскошных клумб с прекрасными, хорошо ухоженными цветами.

— А дома ли он? — произнесла Карпухина и тут же споткнулась о вылезший наружу корень близрастущей сосны.

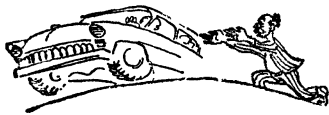
— Где ж ему быть? — отозвался предместкома. — Человек хворает, по всей вероятности — сердце...

— Точно! — подхватил секретарь парторганизации. — Лавренышев — скромный такой товарищ, деловой и толковый инженер. Спроси-ка, Батищев: тут ли он живет?

— А чего спрашивать? Слышишь? Его голос...

Действительно, из дачи доносился разговор. Главенствовал хрипловатый сварливый баритон. Представители общественности прислушались.

— Прошу всех помнить! — бубнил баритон. — Это вам не шуточки. Приедут люди, которые могут мне ой-ой как напортить!

Робкий женский голос заметил:

— Они ж тебя навесить хотят, Петенька... Так сказать, в порядке чуткости...

— Знаем мы ихнюю «чуткость»! Чуть что заметят, сейчас пришьют «моральный облик». А то еще в газете трахнут... Давайте еще раз прорепетируем: кто что должен делать и говорить...

Карпухина, Батищев и Свиристенко остановились как по команде и переглянулись. А баритон продолжал:

— Ольга, ты что должна сделать?

Теперь заговорил детский голосок, шепелявя и заикаясь от волнения:

— Поднести это... цветы...

— То-то — «цветы»!.. А где они?

— В полошкательнице. Штоят.

— Ну пускай стоят. Как вынешь, сперва оботри. Чтобы со стеблей не капало! Кстати, срезанные астры в ведро поставили? Сегодня продавать их на станцию не понесем: не до того! А они к завтраму и завянуть могут — убыток!.. Только вы это ведро подальше отставьте! Чтобы у них и подозрения не могло быть, что мы тут цветочками поторговываем... И вообще, надо следить, чтобы эта самая «общественность» в цветник не лезла бы! Про клумбы говорить, что не наши. Дескать, соседский цветничок. А которые мы им поднесем — полевые цветочки. Насобирали в чистом поле для дорогих гостей. Ясно?

— Ясно! — выговорили несколько домочадцев сразу.

— Так. Идем дальше. Вовка на углу стоит?

— Стоит...

— Сбегайте к нему еще раз: чтобы не проглядел, ротозей паршивый!.. Как увидит зеленую «Волгу» на повороте шоссе, пусть сейчас же бежит сюда!

— Ему уже сказано...

— Еще раз повторись! Молод ты — отца учить... Дальше: вы, мамаша... Ну что вы на себя напялили?! Неужели лучшего халата не нашлось?!

— Откуда же, Петенька?

— Да! И боже вас сохрани, мамаша, говорить, что вы живете в доме для инвалидов-хроников! Если спросят, скажите: мол, живу с сыном, ничего, кроме внимания, от него не вижу... Клавдия, дашь ей на сейчас свой пуховый платок. А вы, мамаша, как обратно пойдете к себе, то не забудьте платочек вернуть: вещичка-то ценная. Ну-с, что же

еще?.. Ах, да! Павел, спросят: как учишься? — ответишь: на «отлично»!..

— Как же на отлично, когда переэкзаменовка?

— Вот дуреха — а?!. Что они у него дневник что ли потребуют? А потребуют, скажешь, что дневничок остался в школе. Теперь, если оказывается, что у детей успеваемость или там поведение — так себе, за это нашего брата — родителей — тоже гоняют... Пашка, скажи им, что в учебном году я с тобой лично занимаюсь школьными предметами ежедневно по часу — по два. Понял?

— Понял...

— Боюсь, не поверят они, Петенька...

— Поверят! Вот мне самому уже который год верят...

Услышав последние слова, представители общественности переглянулись еще раз и даже крикнули (но негромко). А Лавренышев и далее продолжал выдавать «руководящие указания»:

— Ты, Клавдия, тоже не рассказывай, что, как вышла за меня, то ушла с третьего курса института. Наоборот, говори: дескать это я тебя довырастил до среднего технического персонала... И потом вот что: как они будут входить в дом, ты сядешь за чертежный стол и возьмешь в руки рейсфедер. Ясно? Дальше теперь: про ту половину дачи не смей рассказывать, что мы ее сдаем. А особенно настоящей квартплаты не называть. В райфо мы сведения дали, что я беру с жильцов десять рублей в месяц. Так и говорите, ежели припрут к стенке... А лучше объяснять, что наша, мол, эта полдача, а там — свои владельцы... Да, а калитку с той стороны заперли или до сих пор — не на замке?

— Так ведь...

— Что «так ведь»?

— За мной хотела зайти Наташа Зайцева: мы условились на волейбольную площа...

— Никаких Наташ! Еще чтобы мне пристегивали бытовое разложение: дескать, какие-то там девицы ходят...

— Петенька, она же — не к тебе, она — к Павлику... Ихнее дело молодое...

— Вот именно: ихнее дело — молодое, они еще нагуляются!.. А мне на старости лет не хватает отвечать — за что? — за девиц!.. Нет уж, до завтра потерпите без волейбола!.. Ну, кажется, все!

— Ты еще не говорил: что именно на стол ставить — в смысле угощения.

— А, да, да... Водку, безусловно, не подавать. Водка по нынешним временам — сигнал для проверки по линии того же быта. А вот с вином — как?.. Лучше ты, Клавдия, оберни бутылочку портвейна бумагой, и сделаем вид, будто специально для них посылали за алкоголем. А так, мол, в доме не держим!.. Да не в газету заворачивай, а возьми настоящей оберточной бумаги... Что Вовка сигнала не подает еще?

— Пока нет...

— Странно!.. Что же их могло задержать?..

Детский голосок вступил еще раз:

— А вон в шаду дяди и тетя штоят...

— Где, где, где?! — нервно переспросил Лавренышев. — Какие дяди и тети?..

Через полминуты он уже высовывался из окна и сладким голосом зазывал:

— Товарищ Свиристенко! Товарищ Батищев! Товарищ Карпухина! Куда ж вы, друзья?.. Мы вас, можно сказать, с утра ждем...

Но представители общественности в это время уже выходили в боковую калитку. А когда сам Лавренышев добежал до калитки, все трое садились в машину. И на вопрос шофера:

— Что ж так скоро?

Свиристенко ответил:

— Нет, не скоро... пожалуй — именно долго. Чересчур долго даже мы терпели, а кого? Как вы думаете, товарищи?

Товарищи только вздохнули. Машина тронулась и, набирая ход, сравнительно легко оторвалась от догонявшего ее Лавренышева. Лавренышев остановился, но еще некоторое время делал рукою вслед машине пригласительные жесты: дескать, просим, ждем вас, стол накрыт и прочее. Он даже щелкал себя по горлу, обещая угостить вином...

Пассажиры машины молчали с полчаса. А потом Карпухина, так сказать, подбила итоги:

— Вот что значит, если зайти к иному... со стороны кулис...

И все трое представителей общественности грустно покачали головами.

И на старуху
бывает проруха.

Пословица

В нынешнее время не так легко быть взяточником. Во-первых, не со всех можно в наши дни получить мзду без ущерба для самого взяточника. Во-вторых, надо еще знать: кто какими ценностями способен дать эту взятку. И вот, например, небезызвестный в областном масштабе лихоимец — некто Пантелеев — (заведующий москательноскобяной базой) больше всего гордился тем, что ему-то уж доподлинно было известно: с кого можно было требовать дань, а с кого — нет, у кого надо вымогать наличные деньги, а с кого брать домашней утварью или носильными вещами, дефицитными товарами, театральными и стадионными билетами или новинками книжной продукции.

Пантелеев, бывало, только поглядит на накладную или требование, адресованные вверенной ему базе, и уже точно знает: какой профит эта бумажка принесет лично ему, Пантелееву... Нужно только немного притормозить выдачу товара получателю и намекнуть ему, какова будет выкупная цена за данный предмет (предметы)... И таким путем иной раз получаешь неплохие вещички, а то — и кругленькую сумму в дензнаках...

Вот и в тот роковой для него день Пантелеев выслушал по телефону указание завторготделом:

— Мы там, знаешь, дали две накладные на твою базу... Ну да. На эти саратовские холодильники. В магазин их, понимаешь, ставить не стоит. Только дразнить покупателей. А мы решили так: один холодильник отпустишь зампредисполкома Тюфяеву для его квартиры... а второй — отдашь детдому № 8. Наметка тебе ясна? Ну есть!

Выслушав эти слова, Пантелеев сразу же решил для себя:

— Ну, с Тюфяева, безусловно, не разживешься: не та но-

менклатура у товарища. Тут дай бог развязаться с ним, чтобы без жалоб и претензий впоследствии... А вот детдом должен меня премировать, если захочет занять этот холодильник... Тут что-нибудь можно будет сделать!..

И, придя к такому мудрому решению, завбазой, как говорится, всецело «отдался повседневной работе».

А по прошествии некоторого времени в кабинет Пантелеева вошел тучный гражданин, с розовым затылком, в новом полупальто с кожаной отделкой. Войдя, тучный посетитель вежливо снял ворсатую шапку и произнес с достоинством и уверенностью в собственной значительности:

— Я — в отношении холодильника... Кому тут предъявить накладную?

Пантелеев подумал: «Ясно — шофер персональной машины товарища Тюфяева!» — и улыбнулся со всей возможной для торгового работника вежливостью. Пальцем руки он указал направление:

— Попрошу — вторая дверь налево: бухгалтерия. Там оформят ваш холодильничек — и забирайте его с богом!..

Шофер персональной машины величественно наклонил голову (дескать, все усвоил), напялил на свои кудри шапку и вышел. А Пантелеев взял трубку телефона и позвонил в ту кладовую, где хранились холодильники:

— Сигунов? — сказал он значительным голосом. — Вот что, Сигунов, сейчас к тебе придут за холодильником... Ну да, за тем, саратовским... Организуешь погрузку непосредственно в машину. Ну да! Персональная машина. Думаю — будет ЗИМ. Надо, чтобы поместился! А я говорю: надо! Ничего, ничего, погрузите этот холодильник, и тогда снимайте свои остатки сколько угодно. Ясно тебе? Ну есть...

Говоря по телефону, Пантелеев уголком глаза увидел, что вошла в кабинет скромно одетая и робкая старушка. Она почтительно стала дожидаться, когда заведующий освободится. И он освободился. Положивши трубку на рычаг, придал лицу надменное выражение и спросил:

— В чем дело?

В сущности, задавая вопрос, Пантелеев уже знал, в чем тут дело: он поставил диагноз — можно сказать, подсознательно, — еще когда говорил по телефону с Сигуновым. Эту старушку завбазой быстро расшифровал как скромную представительницу детдома № 8, с которого задумано было получить нечто в обмен на холодильник...

И потому Пантелеева ничуть не удивило, когда старушка протягивая листок бумаги, робко произнесла:

— Насчет холодильника я...

— Ясно! — перебил Пантелеев. — Ну-ка, присядьте, гражданочка...

— Вот — накладная у меня...

— Знаю, что накладная. — Пантелеев величественно кивнул трехъярусным подбородком и отвел от себя бумагу правой рукой. — Только вот какая картина: накладная у вас есть, а холодильника у меня нету. Ясно?

— Как это так — нету?.. — старушка явно растерялась.

— То есть формально он, конечно, есть, — саркастически улыбнувшись, сказал Пантелеев, — но некомплектный. Вам ясно? Больше половины деталей пропало, пока его отгружали к нам из Саратова.

— Но он все-таки работает? — с надеждой спросила старуха.

— То есть дает ли он холод? Зимой — безусловно. Особенно, если его поставить поближе к окошку да из этого окна стекло выбить, хе-хе-хе... А так он больше — декорация...

— Так что же теперь делать?

— Что делать?.. Надо бы, конечно, пойти вам на встречу... Если, безусловно, и вы со своей стороны пойдете, так сказать...

(В этой части своей декларации Пантелеев сознательно прибегал к самым туманным выражениям, дабы нельзя было его впоследствии обвинить в лихоимстве, буде дело не выгорит.)

— Что-то я вас не понимаю, товарищ...

Пантелеев взглянул в испуганные выцветшие глаза старушки и решил, что особенно бояться такой посетительницы не следует. Вряд ли она даже сумеет пересказать толком заведующему детдомом ход беседы. Наверное, служит там чем-то вроде нянечки или уборщицы. Послали ее за холодильником, потому что остальной персонал занят и ехать некому... В связи с такими мыслями Пантелеев «поднажал»:

— А что тут не понимать?.. Мы — вам, вы — нам. Подкиньте мне там маслица топленого или сливочного, яичек, говядинки, рыбки... Ну, что у вас еще есть? Может, ситец какой интересный или байка? Ведь у вас дети зимой все в байке ходят, — так я говорю?

Старушка открыла рот и выпучила глаза. В этом состоянии она смотрела на заведующего базой минуты полторы. Потом закрыла рот и заговорила:

— Дети, они у нас, действительно, носят байку... А разве... разве от байки или от масла он... доукомплектуется — холодильник?

— «Разве, разве!» — передразнил старушку Пантелеев. — Соображать надо все-таки: почему это я вам «за та к» отдам хорошую вещь, дефицитный товар?..

— Так накладная же!..

— Ах, накладная? Ну и кладите себе в накладную ваши продукты. Пускай накладная их заморозит. Или пускай тухнут. А холодильник стоит у нас. Детальки мы, безусловно, подберем. А как кончится срок вашей накладной, мы его...

И Пантелеев сделал такой выразительный жест, что даже в старческих глазах посетительницы зажегся огонек понимания.

«То-то! — подумал Пантелеев. — И кого только к нам посылают за товарами... просто кошмар! Этой бабке в инвалидном доме самой сидеть, а не то, чтобы где бы то ни было представлять какую-либо государственную организацию...»

Но в манерах старушки что-то переменялось. Она встала и с достоинством попросила разрешения позвонить по телефону. Пантелеев милостиво разрешил и даже придвинул поближе к посетительнице аппарат. «Давай, давай, звони! — мелькнуло в голове у опытного взяточника. — Об таком вопросе лучше говорить по телефону, чем — лично, при свидетелях, так сказать...»

Старушка между тем прошамкала в трубку:

— Облисполком попрошу...

Пантелеев насторожился.

— Попрошу кабинет Тюфяева... Да!

— Виноват, — куда вы звоните?! — перебил завбазой.

— Сыну я звоню...

— Какому еще сыну?! — в голосе Пантелеева прозвела уже нескрываемая тревога...

— Моему сыну... Ну, Тюфяеву Ивану Владимировичу Ваня? — старушка обернулась спиной к Пантелееву и беспечно заговорила в трубку. — Ванечка, я приехала за холодильником, а тут мне сказали, что за него надо говядины дать, потом — масла, байки еще... Я сама не пойму:

какой-то байки?.. Заведующий этим... ну, складом. Он сам говорит: «Без байки не дам». Ага. Что?.. Пришлешь следователя?.. Ну а как мне-то быть? Ехать домой или подождать твоего следова... Ну ладно. Я подожду...

Обливаясь потом, Пантелеев вырвал у старухи из рук трубку и принялся кричать неожиданно визгливым голосом:

— Алле! Алле! Товарищ Тюфяев?.. Докладывает как раз завбазой Пантелеев... Алле! Ваша матушка она — хе-хе — большая шутница! Она... Алле! Алле же! Молчит... Трубку повесил... Как же теперь?..

А старуха равнодушно сказала:

— Я тогда там обожду в коридорчике... Ваня говорит: он скоро приедет — следователь то есть...

И старуха поплелась к двери. Пантелеев побежал за нею, обеими руками схватил старуху за талию, как это делается при исполнении танца, именуемого «падеспань», и деликатненько пытался вернуть ее к своему столу, приговаривая:

— Что вы! Куда вы, товарищ Тюфяева?! Разве ж я — что?.. Это ж все — шутки, товарищ Тюфяева... берите себе свой холодильник сию же минуту...

— Недокомплектованный-то? Да на что он нам?

И старуха вырывалась из рук заведующего базой, как нимфа из объятий сатира.

— Да нет же, нет же. он ведь укомплектовался! Пока мы тут с вами рассуждали, он, знаете ли, вдруг полностью укомплекте...

Старушка уже из коридора отозвалась:

— Значит, байку вам подавай? Яички? Говядину? Благодарим покорно! Я подожду лучше следователя.

И мамаша зампреда с железным выражением лица поместилась на скамейке в коридоре.

Пантелеев вернулся к себе, сел за стол и опустил голову носом прямо в чернильницу. Он два раза с силой дернул себя за остатки волос на макушке и простонал:

— Умммм!.. Так влипнуть, так опростоволоситься!.. Мало того, что мимо носа пронесли теперь все, что мог дать детдом, так еще на обследование сам напросился... А что если у нас еще не оформлены те выдачи для кафе «Восторг»?!

И Пантелеев вскочил, чтобы бежать в бухгалтерию, проверять выдачи для кафе и многие другие незаконные

операции... В дверях он налетел на давшего тучного посетителя (мнимого шофера с «персональной машины Тюфяева»). «Шофер» протянул заведующему базой накладную и пропуск на холодильник.

— Будьте любезны подписать, — вежливо сказал мнимый шофер. — Холодильник для детдома.

— Подписать? Все вам подписывай, а нет того, чтобы от вас хоть зернышко какое нам занять... — привычно начал было Пантелеев, но вспомнил о предстоящем обследовании и закусил губу. — Давай сюда!

Завбазой начертал свою подпись с такой силой, что перо сломалось, а тонкая бумага пропуска разорвалась на три части. Тучный представитель детдома только покачал головой и ушел, унося с собою растерзанный пропуск...

Пантелеев выбежал в коридор, испуганно поглядел на старушку, все еще скромно сидевшую на скамье, и ворвался в бухгалтерию.

Через пять минут вся база, что называется, «ходила ходуном» и лихорадочными темпами «заметала следы». Но говорят, что это ей не помогло. Собственно, не помогло Пантелееву. Обследователь, говорят, кое до чего «докопался». А сейчас новая ревизия «докапывается» до всего прочего, что там творилось под непосредственным руководством бывшего завбазой Пантелеева.

Вот что значит — один только раз ошибиться в таком тонком деле, как взяточничество. Нет, в наше время это очень сложный вопрос — как и с кого надо брать взятки...

Когда этот поезд подходил к маленьким станциям, люди на платформах удивлялись и говорили:

— Какой веселый поезд!.. Смотрите, одна молодежь... Куда же это они собрались? И сколько их!

А знающие отвечали:

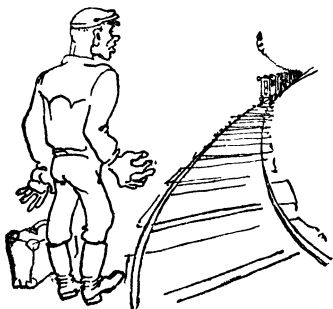
— На стройку едут — вот куда! Потому и весело!

Звучал второй звонок, и пассажиры «веселого» поезда вскакивали на подножки, смеясь и громко переговариваясь друг с другом, съедая и унося в вагон арбузы и огурцы, мясо и лепешки, купленные на станции, допивая уже на вагонных ступеньках и площадках молоко, чтобы вернуть посуду владельцам...

Поезд шел дальше, и через пять минут, забыв об оставленной позади станции, пассажиры снова располагались на нижних и верхних койках и даже — на багажных полках под самым потолком, толпились в проходах и тамбурах, шутили друг с другом и с проводниками, пели, играли в козла, снова закусывали, читали, спали... Была в этом поезде еще одна особенность: казалось, что весь поезд населен знакомыми между собою людьми. Общность цели и пути, молодость всех пассажиров уничтожала всякие «средостения». Тут складывались «коммуны» по питанию, наличному чтиву и даже по обуви и одежде. Выяснялись вкусы и воззрения в области искусства и гастрономии, техники и мечтаний, представлений о будущем и желательном в настоящее время. Завязывались дружеские узы и кое-где показались уже первые ростки взаимных влечений и любви...

Наиболее неугомонные парни и девушки ходили из вагона в вагон — в гости. И — что греха таить — кое-где шумело уже яростными голосами и преувеличенным смехом вино...

Начальник поезда, еще молодой человек, однако же постарше большинства своих пассажиров, заботливо обходил неугомонно стучащие и трясущиеся вагоны.

Он улыбался в ответ на улыбки и смех ребят. Шутил и пригублял молоко и простоквашу, газированную воду и даже огуречный рассол, которым похвалялись удачливые покупатели. Не отказываясь, надкусывал от ломтей дынь и арбузов, отведывал помидоров и маринованных грибов, давал советы сражающимся в шахматы и шашки, в козла и даже подкидного дурака... А уж сколько справок об условиях будущей жизни приходилось ему давать, пока он медленно продвигался по вагонам! Начальник поезда не оставлял без ответа ни один вопрос, ни одну реплику, относящиеся к тому, что ждет пассажиров в новых местах. Он знал цены на базарах в тамошней «глубинке»; рассказывал о местных подручных строительных материалах, пригодных для возведения домов; давал исчерпывающие ответы о погоде, о рыбалке, о грибах, о местных обычаях... И после того, как начальник — «Митрич» любовно называли этого двадцатипятилетнего парня пассажиры — после того, как Митрич уходил в следующий вагон, настроение в покинутом им вагоне повышалось: люди начинали петь, разговаривать и спорить между собой с новой, неистребимой, казалось, силой...

Но и сам Митрич был явно доволен своими пассажирами. Опытный, несмотря на молодость, взгляд Митрича нигде не обнаружил ничего вредного, излишнего, нежелательного.

Но вот в вагоне № 12, в отсеке, образуемом двумя двухэтажными «койко-местами», Митрич увидел, что плотная группа парней играла, но не в подкидного дурачка, а в азартное и жестокое «очко». Здесь было тихо — в этом отсеке. А если вплотную к тесно сгрудившимся партнерам и наблюдателям подходили сторонний юноша или девушка с веселым возгласом или с приглашением принять участие в импровизированном хоре, на такого (или такую) шикали сердито и негромко. И подошедший отходил прочь, а то оставался безмолвно наблюдать, как игроки приглушенным серьезным голосом называли сумму ставки, медленно тянули вторую карту из-за первой и с мнимым равнодушием объявляли результаты подсчета «очков»...

Чья-то выдавшая виды кепка лежала на скамье и была набита измятыми мелкими и крупными купюрами, металлическими деньгами. Банк держал чаще других вихрастый малый, с узко-прищуренными, недоверчивыми глазами. На нем был модный, но очень затасканный светлый костюм,

испещренный пятнами, и шелковая синяя тенниска на «молнии». Из играющих только он один позволял себе изредка пошутить, но тоже — негромко...

Начальник поезда остановился в заднем ряду этой группы, постоял с минуту, а затем произнес уверенным голосом:

— Э, вот это уж вы не дело затеяли, братцы!

И видно было, что, несмотря на неодобрение, начальник поезда не слишком встревожен происшествием: можно было понять, что ему приходилось прежде пресекать и такое...

Пассажиры, стоявшие подле игроков, слегка раздвинулись. Стал подыматься кое-кто из сидевших на койках с картами в руках. И только банкомет, не прекращая тасовать колоду, совсем исчезнувшую в его больших загрубелых ладонях, отозвался напряженным и фальшиво-беззаботным голосом:

— А между прочим, мы на свои пречистые играем, начальничек!

— Вот потому мне и не нравится это развлечение, — сказал начальник поезда, — обыграешь моих ребят, а им на эти деньги жить надо.

— Между прочим, я и сам — «твой»: туда же еду... И пока что лично я — в большом проигрыше, — задиристо перебил вихрастый. При этих словах глаза у вихрастого на секунду расширились, он как бы сказал глазами: в проигрыше — только пока, посмотрим, что будет дальше.

Начальник поезда ответил:

— В это я не желаю входить — кто у вас в проигрыше, кто — в выигрыше. А только игру требую прекратить. Ясно?

— Ясно! — с ехидством заметил вихрастый. — Ясно, что мы нарвались на унтера Пришибеева.

— Дай сюда колоду! — и начальник поезда протянул руку.

— Колода, между прочим, моя. Да-да! — и пряча в задний карман брюк карты, вихрастый закончил. — Нет у тебя, начальничек, такого права отымать мои личные вещи. Тебе ясно?

Начальник, пожевав губами, обвел взглядом всех собравшихся. «Ряды» игроков сильно уже поредели. Ребята посовестливее разошлись сами. Оставшиеся зрители и

партнеры, виновато опустив головы, расходились теперь. А когда в отсеке остались только те, кто ехал на этих местах, начальник неторопливо пошел к тамбуру. Он опустил голову, и поперечная морщина появилась на его лбу...

Через полчаса начальник вторично прошел через двенадцатый вагон, направляясь обратно к первым вагонам. Вихрастый посмотрел ему вслед, присвистнул и возгласил:

— А ну, братва, жми сюда ко мне! Начальство ушло, можно продолжать игру...

Не сразу и как бы нехотя партнеры вошли в отсек, где вихрастый банкомет разложил уже на столике деньги, карты и поставил дежурную «четвертинку»... Прикладываясь к горлышку четвертинки, банкомет раздавал карты не в молчании, как было раньше, а с хвастливыми репликами.

— Небось молод еще он меня учить, как мне жить-существовать, ваш начальничек... В банке — десятка. Заметано с тобою на пять рублей... Беру себе. А если ваш начальник меня ссадит с вашего паршивого поезда, мне — только удовольствие. Слава богу: четвертый раз я получаю этот аванс да подъемные... Высадят, а я еще куда-нибудь пристроюсь — мало у нас вербовщиков или этих... кампаний по освоению там или по строительству?.. Главное дело — грóши оторвать, а доехать к месту назначения я всегда успею... Ну ты, философ, долго будешь думать? Своя? Ладно, беру себе. Туз... и девятка. Как говорится, четыре сбоку, ваших нет!.. В банке пятнадцать... Нет, молод он меня пугать, ваш начальничек... Если я не доеду до этой знаменитой стройки, и мне и стройке будет лучше. Это уж факт... Ну, кто хочет — по банку? Нет героев?

Девушка из тех, что стояли за спинами игроков, чтобы посмотреть на «серьезную игру», внезапно спросила дрогнувшим голосом:

— Как вы сказали, товарищ: вы четвертый раз получаете подъемные?

— В общем, — да, четвертый или пятый рейс праздную сегодня... А ты что, крошка, хочешь перенять опыт? Садись поближе, я тебя научу всему, что знаю...

И вихрастый громко захохотал, нарочито подмигивая и ища глазами сочувствия и веселья у окружающих его. Но никто не засмеялся. Наступила пауза. Вихрастый спел фальшиво:

— «Что ж вы, черти, приуныли?..» Игра продолжается, орлы! Сколько ставишь на карту?

Спрошенный — веснушчатый парнишка лет девятнадцати — теребил руками замусоленного туза. Он закрыл глаза и, помолчав немного, сказал:

— Я — это... я больше не играю...

И положил карту на стол. Затем парнишка молча раздвинул руками игроков и вышел в проход...

— Тэк-с,— резюмировал вихрастый,— один уже скапустился. Младенец, который боится начальства... Ну и пес с ним. Как говорится, «без сопливых обойдется»... Игра продолжается. В банке — пятнадцать. На сколько идешь?

Худой парень в очках, покраснев, ответил:

— Я иду на пятерку... Нет — на три рубля... В общем, я погожу играть...

— Еще один отвалился. Хлипкий вы народишко, как я погляжу! Ты тоже сдрейфил?

И вихрастый обратился к следующему из партнеров. Тот — здоровенный и угрюмый парень, который постоянно сутулился, стесняясь своих 197 сантиметров роста,— опустил голову и промолчал. Игра явно разлаживалась. Вихрастый банкомет рывком собрал карты и привычным жестом сунул их в карман. Он был разъярен, но пытался сдерживать себя.

— Понятно,— процедил он сквозь зубы,— какой нам смысл играть, когда мы все в выигрыше... Лучше сделать красивое лицо: дескать, мы — целиком за начальство, а пока что денежки останутся при нас... Паразиты несчастные!

Высокий парень поднялся, едва не стукнувшись головой о верхнюю койку, нагнул голову еще ниже, чем обычно, и переспросил со значением:

— Это кто же здесь — паразиты?

— Да хоть ты — первый! Но, но, но, руки с бильярда! Видали мы и не таких богатырей!..

А вокруг стояли уже не любопытствующие зрители азартной игры. Совсем другие ребята и девушки окружили теперь ссорящихся. Все уже знали, что этот вихрастый картежник похвалялся, будто четвертый раз получает деньги на выезд для работы, но всякий раз возвращается обратно, не доехав...

Наверное, вот этот гул негодования, который гремел все сильнее, показался вихрастому более страшным, не-

жели кулаки сутулого гиганта. Вихрастый сразу как-то сник и выдавил на губах скверную трусливую улыбочку...

— Братишки, что вы, на самом деле?..— искательно начал он.— Разве ж я это всерьез?.. Ну, не хотите играть, не надо... Разве ж я из-за карт к вам подсел?.. Я же ж такой, как и вы все, энтузиаст строительства, и вообще...

Вихрастый попятился, хотя за его спиной был только столик и дальше — окно...

— Братцы, нельзя же так! — дрожащим фальцетом за-верещал он, и стало ясно, что ему не в первый раз приходится вымаливать пощаду и прощение за неблагоприятные поступки.— Я лучше тово... я сам уйду от вас... Дайте только доехать до станции.

И словно нарочно поезд замедлил ход, подъезжая к полустанку...

Вихрастый, испуганно оглядывая всех собравшихся, схватил свой вещевой мешок и мягкими движениями, но очень упорно, стал пробираться к выходу. Никто его, собственно, не задерживал. На него смотрело чуть ли не полностью все население вагона; и у всех было сейчас одинаковое выражение лица: решительность, соединенная с брезгливостью...

Вихрастый толкнул спиною дверь на площадку. Весь путь к двери он пятился задом, боясь, что его будут бить, если он повернется спиной к пассажирам. Теперь он последний раз, опасливо поводя головой, огляделся. Улыбка исчезла с его лица. Откровенная ненависть расширила узкие глаза и блеснула в них странным, неожиданным огнем... Вихрастый еще два раза шагнул назад и с силой захлопнул за собою дверь, оказавшись в тамбуре. Резкий стук двери заставил вздрогнуть прежде других — самого вихрастого.

А поезд медленно прокатился еще метров пять и остановился. В паузе, которая царила в двенадцатом вагоне, особенно явственно раздалось лязганье буферов. И тогда тот же низкий девичий голос словно подвел итоги:

— Какая же гадина была среди нас!..

На этой станции из двенадцатого вагона никто, кроме вихрастого, не вышел на платформу. Впрочем, и из других вагонов пассажиры не спускались по ступеням тамбуров: чересчур короткой оказалась стоянка...

Когда же после трехминутной паузы снова лязгнуло под вагонами, и поезд, пыхтя и содрогаясь, тронулся в путь,

двенадцатый вагон был охвачен оживлением: все говорили наперебой, и было непонятно, кто с кем согласен, а кто с кем расходится во мнениях по поводу дезертирства вихрастого...

Сам вихрастый стоял в это время на пустынной платформе полустанка и мотал головой, провожая взором вагоны уходящего поезда. Все скорее приходилось ему поворачивать подбородок, чтобы оглядеть очередной вагон и успеть посмотреть на следующий... Глаза вихрастого расширились еще больше. Теперь уже не только ненависть, но и дремучая звериная тоска пылали в них. А в наступивших сумерках поезд, светясь теплыми оранжевыми пятнами окон, все скорее покидал полустанок и вихрастого с заплечным мешком. Из вагонов доносились веселые молодые голоса, слышались звуки гитар и аккордеонов. Вихрастый почувствовал, как тревожно сжалось его сердце — сердце человека, выброшенного из обжитого и уютного, пусть и кратковременного жилья и оставшегося где-то в незнакомом месте. Особенно обидной была мысль, что там — в поезде — о нем забудут мгновенно! А ему — вихрастому — так хотелось теперь обратно на застеленную уже койку.

Вот и последний вагон, виляя задней стеной и подмигивая красным сигнальным фонарем, пронесся мимо. Шумы поезда стали стихать. Зазывно протрубил паровоз.

Вихрастый сжал кулаки и грязно выругался. Он все еще не мог отвести глаз от поезда. Тоска и тревога полностью овладели вихрастым. Красный фонарь удалявшегося поезда был еще виден, он словно запрещал ему что-то, отлучал его от людей, от всех тех, кто ехал сейчас весело и радостно туда, куда позвала молодых людей страна...

СЛАБЫЙ ХАРАКТЕР

— Я, конечно, сам виноват: характер у меня чересчур мягкий. И к тому же я ее очень любил, эту Ваву... А ее мамаша мне сказала прямо:

— Моя дочь выйдет замуж исключительно церковным браком. Вы это учтите, молодой человек!

Я ей тогда же ответил:

— Я же ж — комсомолец. Я лично стою на марксистских позициях с раннего детства. Как я могу венчаться в церкви?

А она:

— И пожалуйста. И можете потом даже в партию входить, я всецело — за. Не такие уж мы глупые, чтобы не понимать, что в наше время с этого дела тоже бывает польза. Но это — потом. А сперва будьте любезны — «Исайя, ликуй!»...

Так у них в церкви поют при венчании. Мне это пришлось выслушать своими ушами...

Ну безусловно, я много раз пытался уговорить Ваву расписаться со мною в загсе, минуя церковь. Но Вава чересчур уважает свою мамочку и боится ее. Она заплакала пять суток подряд — Вава, но от религиозных предрассудков не отказалась. И тогда я в порыве страстной любви к данной Ваве совершил роковую ошибку: я дал согласие на венчание в церкви. Тем более будущая теща мне пошла навстречу. Она заявила:

— Пожалуйста, никакой такой помпы мы делать не будем. И вы можете скромненько прийти в церковь сами по себе, как будто гуляя... А после — ищи-свищи: был обряд, не был — никто толком не будет знать, и вы можете делать себе карьеру как марксист или кто хотите...

Нет, я, безусловно, не стал идейно на такую позицию. Я просто хотел соединиться с моей любимой девушкой, тем более что тогда я еще не знал, какая она есть глубокая мещанка с мелкобуржуазной психологией и огром-

ным количеством предрассудков. Она же от меня сама оказалась, когда... Ну ладно, изложу по порядку.

Как мы договорились, по традиции невесту повезли в церковь на легковой автомашине. На голове у нее — у невесты то есть — кисейная фата, белые искусственные цветы тоже на голове и букет настоящих цветов в руках. А я должен был дойти туда отдельно самым незаметным образом — пешком, не выделяясь среди прохожих, поскольку поселок у нас — небольшой, и все всё узнают ментально.

Вот, значит, я иду пешочком, делаю вид, что никуда не тороплюсь. Рассматриваю витрины в торговой сети, читаю газеты на щитах, плакаты и так далее. Но направление имею в сторону церкви. И надо же случиться, что на расстоянии двух домов от храма я встречаю секретаря нашей комсомольской организации Степана Вихрова. Именно его!.. Вихров мне говорит:

— Здорово, Воронкин, чем можешь порадовать наш молодежный коллектив? Что-то я тебя давно не видел. Сползаешь из актива, да?

Я выдавливаю себе на лицо улыбку и блеющим голосом возражаю:

— Отнюдь! Я всегда — тут, при вас, всегда на подхвате. Это ты, секретарь, загордился, пренебрегаешь рядовыми комсомольцами...

Вихров меня хлопает по плечу:

— Валяй, крой, обожаю критику снизу! Куда идешь?

При этих словах у меня лично в животе будто лопнула струна на гитаре. И это только от одной мысли, что что будет, если Вихров узнает, куда именно я иду!.. Но я нахожу в себе силы ответить:

— А никуда... гуляю, пока начнется девятичасовой сеанс в клубе: у меня взяты билеты... Ох...

— Ну погуляем вместе... Что ты сказал?

— Я?.. Я ничего не сказал... Ох!.. Это у меня такая икота... то есть заикание... то есть скорее — изжога...

— А мы с тобой сейчас газировочки тяпнем, оно и пройдет... Вон — тетка торгует...

А пока мы пьем газировку, к церкви подъезжает именно тот автомобиль с моей невестой. Вихров увидел, как выгружают Ваву с фатой и цветами, и говорит:

— Гляди, гляди, гляди: свадьба церковная! Идем туда поближе, интересно посмотреть: кто будет венчаться?!..

Что ты — с ума сошел — газировку носом пускаешь?! Дай я тебя постучу по спине, все пройдет!..

После того, как я получил вновь способность дышать и произносить слова, я жалобно прошу его:

— Зачем нам смотреть на свадьбу? Лучше пойдем это... погулять... может, зайдем в читальню, чтобы подковаться в смысле текущих событий или там актуальных цифр...

Но Степан меня просто тянет за собой к церкви:

— Пошли, пошли, давай скорее! Интересно же все-таки!

Я не успел еще вырваться из его рук, как меня перехватили на паперти так называемые шаферá. Они поволокли меня в церковь, приговаривая:

— Ты с ума сошел!.. Куда ты пропал?! Невеста уже плачет... А теща в такой ярости...

— Воронкин! Куда ты?! — спросил Степан.

Я оторвался от шаферов, пробился обратно к нему и нашел в себе силы, хихикая, заявить:

— Нет, ты подумай: меня приняли за какого-то участника этого дела... Ну, свадьбы там ихней... вот чудак! Пошли отсюда, ну их!..

Но «чудак» снова схватили меня. Толпа на паперти разлучила нас со Степаном. Тогда я дал возможность шаферам втащить себя в церковь. Мысленно я умолял бога, которого, безусловно, нет, чтобы Степан Вихров поскорее ушел бы отсюда. Ну в самом деле: что делать комсомольскому секретарю в церкви?..

Меня между тем уже подвели к алтарю — так, кажется, это у них называется? — будущая теща больно ущипнула меня в районе ребер и прошипела:

— Если бы я знала, что вы хотите осрамить мою Вавочку, я ни за что не согласилась бы... Где вас носит, бродяга этакий?!

Тут меня поставили на коврик рядом с Вавой... То есть что я говорю: поставили?.. Меня стоямя положили, если можно так выразиться... Священник уже весь в чем-то блестящем, как самовар, подошел к нам и, перекрестивши нас, начал читать, что положено...

Но, по совести сказать, я его не слушал, я вертел головой все время, чтобы высмотреть: вошел в церковь Степан или нет?.. Поглядел налево — вроде его нет... Стал озираться направо... Так и есть! Вихров пробирается поближе к нам — видеть, он в свою очередь ищет меня...

Я тогда бросаю священнику и Ваве: «Извиняюсь, я — сию минуту!» — и отхожу к Степану.

— Вот,— говорю ему,— чудаки!.. У них — свадьба, а из меня они строят какого-то дружку или служку... в общем, берут на пушку!.. Хе-хе-хе...

Вихров смотрит на меня с явным подозрением. И тут братец Вавы — здоровый парень, надо сказать!.. — вместе с теми же шаферами опять хватают меня, будто пьяного, которого надо вывести из пивной, и тащат обратно к попу. Я успеваю засмеяться фальшивым смехом и крикнуть:

— Ой, осторожнее! Я щекотки боюсь... Степа, хе-хе-хе, выручай!

И вот я опять перед священником. Вава шипит:

— Ты будешь венчаться в конце концов?!

Поп начинает бормотать свои тексты. А меня корежит в буквальном смысле. Я все изгибаюсь назад, чтобы узнать: что там Вихров — наблюдает ли он за выполнением данного религиозного предрассудка?

Вдруг я слышу: мне шепчет шафер:

— Отвечай же!

И он ударяет меня в спину кулаком.

— Что отвечать? Кому?

— Да священник тебя спрашивает или нет?

Я оборачиваюсь к священнику:

— Я извиняюсь, вы — о чем?

— Сын мой, хочешь ли ты взять эту девицу себе в жены?

Я опять оглядываюсь невольно в сторону Степана, а после этого говорю шепотом:

— В общем и целом, я не возражаю.

Поп отшатывается назад при таких моих словах. А теща громко заявляет:

— Это что еще за отговорочки?! Будьте любезны отвечать, как положено по религии: «да!» — и больше никаких! Ну?!

При виде ее разгневанного лица я тороплюсь сказать:

— Да и больше никаких!

Раздается смех. Даже священник начинает улыбаться. Я снова ищу взглядом Степана в надежде, что и он тоже смеется... Но — увы! — Степан Вихров стоит как статуя и сурово сдвинул брови. Я опускаю голову и опять начинаю думать: что же меня ждет по комсомольской линии?.. И, конечно, пропускаю мимо ушей очередные указания

попа. Вдруг меня что-то ударяет по голове. Оказывается, что шафер, который держит надо мною ихнюю церковную корону — так называемый «венец», — ударом медного венца дает мне понять, что надо быть более внимательным. Я переспрашиваю священника:

— А? Как вы сказали?

Но тут лопается терпение у Вавиной мамочки. Она выходит вперед, за руку вытягивает меня с моего места на коврик и громко изрекает:

— Стоп, батюшка! Венчание отменяется! Видите, как он безобразничает — этот негодяй?! Ты что — срамить мою дочку сюда пришел?

Тут она в свою очередь толкает меня в плечо:

— А ну, давай отсюда сию минуту! Никакого брака не будет! Варвара, не реви! Ты не виновата, если он оказался придурком и мошенником. Я прошу все равно всех знакомых к нам домой, поскольку еда заготовлена и угощение все равно состоится! А этого типа мы на порог не пустим! Вас, батюшка, также попрошу к нам, и отца дьякона тоже, и весь вообще причт! А этот тип пусть сейчас же уходит отсюда!!

Тип — то есть я — поспешно пробирается к тому месту, где стоял Вихров, но его там уже нет. Я выбегаю на улицу — конечно, Вихрова и след простыл. Но ненадолго: на другой день меня вызвали на комсомольское бюро...

А на третий день я пошел к Ваве, как представитель уже внесоюзной, или, так сказать, «беспартийной молодежи». Хотел объяснить ей и ее мамаше: мол, так и так, поскольку меня все равно из комсомола исключили, то я согласен венчаться явным образом при любом параде. Но мамаша сама вышла ко мне навстречу, оттерла меня из передней на улицу и там сказала:

— Вашей ноги больше у нас не будет. И вашей руки моя дочь не примет. И вашей рожки мы не хотим больше видеть. Вы нас осрамили в церкви, и все кончено!

Я ей просто со слезами отвечаю:

— Тогда за что же я вылетел из комсомола?! Больно уж густо все на меня одного!

Но мамаша заперла дверь изнутри и ни на какие стуки не открывала. Хотели они меня еще облить чем-то с мезонина, только я не стал дожидаться, когда мне плеснет на голову, а отскочил в сторону и пошел себе домой...

Вот что сделал со мной слабый характер!..

Директор трикотажной фабрики товарищ Петрищев, Иван Степанович, говорил по телефону из своего кабинета. Говорил, сильно заикаясь и растеряв все свои уверенные интонации бывалого руководителя. А секретарша директора, стоя в дверях, шепотом предупреждала входящих:

— Тсс!.. Тише, пожалуйста! Закройте там дверь!.. Ивана Степановича вызывают к министру!..

Петрищев, делая глотательные движения пересохшим внезапно ртом, повторял в трубку:

— Слушаюсь. Понимаю. Через полчаса разрешите быть у вас?..

Он положил трубку, вытер пот на лице и на шее, сел в свое кресло и каким-то вообще-то несвойственным ему рокочущим голосом сказал главному инженеру и коммерческому директору (всех прочих секретарша успела выгнать):

— Ну вот. Доигрались. С чем вас и поздравляю... Вызывают к самому, — слышали?

Оба помощника вежливо помолчали, как молчат, узнав о смерти кого-то, а потом коммерческий сказал:

— А зачем вызывают? Как вы думаете?..

— Обнять и поздравить с днем ангела! — съязвил инженер. — Ясно зачем: уж, наверное, что-нибудь такое «выдающееся» из нашей продукции попало на глаза там в министерстве...

— Но что именно? — развел руками коммерческий и блудливо глянул на Петрищева.

— Не знаете? — продолжал главный инженер, — а я скажу. Кофточки, которые вы третьего дня отгрузили в универмаг.

— Кофточки? В универмаг?! — коммерческий директор очень неубедительно разыграл недоумение.

И тут вступил в беседу сам Петрищев. Все еще невнятно рокоча слова где-то в глубине глотки, он переспросил:

— Не знаешь, какие кофточ-

ки? А я тебе напомним какие: те бурые с серыми зигзагами на боках.

— Ах эти... а разве... Как будто бы мы их решили не отгружать... тем более... хотя — позвольте... кажется, да. Небольшую партию мы все-таки Кировскому универмагу...

— «Небольшую!» — не унимался инженер. — А сколько штук этих балахонов надо увидеть министру, чтобы оценить по достоинству и фасон, и красители, и качество вязки, и...

— Ладно! — отрезал вдруг Петрищев окрепшим голосом. — Что-то ты уж больно разошелся, инженер! Будто эти кофты не под твоим техническим руководством создаются...

— Под моим... Не отрицаю. Но я просил их слать прямым рейсом — на периферию. Деревня все возьмет!

— А вот и нет! (Это сказал коммерческий.) Вы теперь забудьте, что деревня все кушает. Мне на той неделе такую рекламацию прислали за рейтузы — и откуда же? — из Вельегонского района! Из самой глуши, ежели по-старому считать...

Директор, не слушая больше, поднялся и пошел к двери.

— Машину мне! — крикнул он в смежную комнату. А затем, повернувшись к своим помощникам, добавил: — Но хотел бы я знать: кто мог навести министра на эти кофты?!

— Я знаю — кто! — без паузы отозвался главный инженер, — наш моторист Мирохин. Кто же еще? Вы помните: как он обо мне и о вас говорил на производственном совещании?.. Прямо так и сказал: не перестроимся, дескать — это мы, то есть, с вами, если не перестроимся, — так он, видите ли, обратится в печать. А зачем ему — в печать, когда проще воспользоваться теперешним моментом — и письмишко туда...

— В министерство?

— Угу. А как же? Ох, я этого типа давно раскусил!.. Удивляюсь только, Иван Степанович: почему вы его до сих пор терпите на фабрике?! Я даже так скажу: держать Мирохина у нас на предприятии, с вашей стороны, — просто самоубийство! Харакири, — как говорят японцы.

— А ты тово, — угрюмо произнес Петрищев, — ты составь приказ об его... ну, вообще об отстранении от работы. Конечно, мотивчики подбери поосторожней... И все! И от-

числим. Мне тоже, знаете ли, свои нервы дороже. Никаких «харакири» мне не требуется!..

Снова помощники замолчали и поиграли бровями в знак сочувствия.

А через сорок минут Петрищев несмело входил в кабинет министра, на всякий случай захватив с собой в портфеле бухгалтерские балансы фабрики за последние четыре года.

Министр привстал навстречу, пожал Ивану Степановичу руку и сказал:

— Пожалуйста, садитесь... Вы меня извините, если я посмотрю при вас вот — бумагу?..

Петрищев вежливо зашипел в знак того, что ни в малой мере не возражает, и опустил в кресло у самого стола.

Министр водил пером по строчкам длинного письма, кое-где исправляя знаки препинания, цифры и буквы, сверялся с другими документами, лежавшими рядом на столе. А потом, не отрывая глаз от бумаги, начал:

— Хочу поблагодарить, товарищ директор, за кофты...

Тут внимание министра снова отвлекли цифры, встретившиеся все в той же бумаге, и он замолчал. А Петрищев мгновенно побагровел, и в голове его пронеслась такая мысль: «Ого!.. Дело, выходит, дрянь, если не просто критикует, а еще — с издевочкой, с песочком, так сказать!»

— Н-да,— продолжал между тем министр,— вот уж всем вы угодили... И фасон такой прекрасный...

— Товарищ министр! — начал Петрищев. Он задумал свою речь произносить твердым и громким голосом, но тотчас же услышал, что из горла вылетает жидкий шепоток с каким-то посторонним сипением. Правда, Петрищев немедленно поправился: он повторил свое обращение, почти что крича.— Товарищ, кхм, министр! Фасоны не всегда зависят от нас...

Министр поднял голову, бросил на Петрищева быстрый взгляд, снова наклонился к документам на столе и заметил:

— Ну, особенно скромничать тоже нечего. К этому фасону вы имели прямое отношение...

— Кто? Я?.. Кхм...

— А вы что — отказываетесь от этого?

— Нет, почему?.. Конечно, я, как руководитель фабрики, обязан знать все, что делается на предприятии и...

Министр засмеялся и с иронией заявил:

— Скромник какой — а?.. «Я, говорит, не я и лошадь не моя». Но мы-то тоже знаем, как это делается...

— Кхм... Нет, почему?.. Лошадь, конечно, моя... То есть, фабрика моя... И кофты тоже...

Петрищев начал захлебываться, словно у него во рту был горячий суп. Он заговорил с большим жаром:

— Я лично готов за это отвечать, но учтите, товарищ мини...

— Кстати: а кто вам дал такие прекрасные узоры? — перебил министр.

— Узоры?.. Узоры мы это... кхм... получаем из главка путем альбомов и даю вам слово: мы ничего не меняем из того...

— А зачем менять? Лучше узоров и не надо...

Теперь перебивать начал Петрищев:

— А насчет расцветки,— забормотал он,— кто же мог знать, что она после закрепления станет такую?..

— Какую — «такую»? — министр внимательно посмотрел на Петрищева.

— Ну, вообще,— такую... Серо-буро-малиновой, что ли...

— Что, что, что? — на лице у министра появилось удивление и даже, мы бы сказали, любопытство.— Вы считаете, что ваши кофточки — серо-буро-малиновые?

— А что же делать, товарищ министр? Совершили ошибку — значит, надо признать! Меня так учили! — Петрищев ощутил даже радость в этом раскаянии.— Другой раз не допустим! Заверяю вас!

Министр положил в сторону ручку и глядел на Петрищева не отрываясь.

— Та-ак! — произнес он.

Петрищев счел это «так» поощрением и, как говорится, «поднажал», признавая свои заблуждения. Он высказывал теперь громко и бодро, словно перед многочисленной аудиторией:

— Товарищ министр! Разрешите вас заверить, что руководство нашей фабрики и лично я целиком и полностью признаем свою ошибку в отношении отношения к этой некрасивой... нет! — что я говорю?! — к этой безобразной и даже бракованной продукции. Мы даем слово больше никогда не допускать таковой. Это — раз. Второе: может быть, еще большей ошибкой было с нашей стороны отгрузить такие, с позволения сказать, «кофты» — нет! — что

я говорю?! — саваны, а не кофты — куда? — в Кировский универмаг, который... в отношении которого... В общем, я уже объявил моему коммерческому директору строгий выговор... с этим — с предупреждением. Вот так!.. («Не забыть бы составить приказ о выговоре, как приеду к себе!») — в голове у Петрищева мелькнула и такая мысль.)

Но что-то в глазах министра заставило разошедшегося директора остановиться, хотя в мозгу и дальше складывались приличные случаю покаянные формулировки. Петрищев замолчал. Возникла длинная пауза — чрезвычайно тягостная для Петрищева. Наконец министр заговорил:

— Хорош! Молодец!.. Оказывается, выпускаете «серо-буро-малиновые» кофты с безобразными узорами. И в универмаги сдаете такую дрянь? Да?

Петрищев потянулся всем телом по направлению к министру, жалобно поднял брови кверху и всхлипнул. Он не мог раскрыть рта, но на лице его отразился немой вопрос: «А разве этого вы не знали, товарищ министр?!».

— Ну что ж... Спасибо за информацию, товарищ Петрищев. А я вас вызвал поблагодарить за образцы, что вы представили на республиканскую выставку... Премировать думал...

— Так вы на выставке наши кофты смотрели, а не...

— Вот именно: а не в универмаге. Но теперь уже посмотрю и там. Можете быть спокойны: посмотрю обязательно. Идите, товарищ Петрищев.

Петрищев встал и на согнутых ногах направился к выходу. Министр нагнулся опять к своим бумагам, но тут же нажал кнопку электрического звонка. Мимо Петрищева прошел секретарь. Петрищев еще слышал, как министр сказал ему:

— Пошлите сейчас в Кировский универмаг машину, чтобы мне привезли кофты вот с его фабрики... Трикотажные, дамские, — вы понимаете? Скажите, чтобы отобрали там те, что выглядят «серо-буро-малиновыми»...

В кабинет свой Петрищев вошел так, словно ноги его были сделаны из ваты, как бутафорские конечности игрушечного деда-мороза. По лицу директора все поняли: произошло нечто непоправимое.

— Подтвердилось? — высоким фальцетом спросил коммерческий директор. — Они, да? Кофты?

Петрищев сердито боднул воздух головой, что должно было означать: да, подтвердилось... Затем он сел в свое кресло, опустил веки и замер.

Подойти к столу Петрищева осмелился один лишь главный инженер, и то только потому, что он думал облегчить своему начальнику горе, давши ему — директору возможность удовлетворить чувство мести за переживаемые неприятности: инженер подсунул под нос Петрищева приказ об увольнении моториста Мирохина, подозреваемого в том, что именно он сигнализировал министерству о качестве этих проклятых кофт.

— На́, подпиши! — сказал инженер. — Тебе легче будет!..

Петрищев, скосив левый зрачок, проглядел проект приказа, нервно замычал и скомкал бумагу.

— Это не он! — вот все, что мог произнести директор.

— Тогда кто же? — завопил коммерческий. — Кто?! Скажите мне: кто эта сволочь? И я его сам убью вот этими руками!!

Все с ожиданием обернулись к Петрищеву. Но тот сидел, зажмурившись, и молчал.

И тогда на цыпочках все стали покидать кабинет. Последний из уходящих слышал, как директор громким и горестным шепотом выдохнул:

— Хакири!.. Хаки... Эх!..

Как известно, софистами называли в Древней Греции ораторов, которые умели убедительно доказывать даже недоказуемое. Ныне софистика досталась в удел западным философам и журналистам. А в Советском Союзе только иные из бракоделов защищают свою плохую работу с изощренностью софистики.

Неизгладимое впечатление произвели на меня софистические способности пекогого закройщика в одном ателье. Нет, нет, это было не со мной лично. Но когда сшитый для меня пиджак унесли во внутренние помещения ателье, чтобы сделать небольшие исправления «при заказчике», я провел сорок минут в «салоне» данного ателье. И вот тут-то я убедился в изумительном даровании скромного на вид человека с клеенчатым сантиметром вокруг шеи и десятком булавок, вколотых в лацкан выдавшего виды жилета (пиджака он не носил).

Этот закройщик вынес готовый костюм для своего клиента, держа его высоко на деревянных плечиках, как знамя своего портняжного цеха, как хоругвь изящества и элегантности. Со счастливой улыбкой сказал он заказчику:

— Пожалуйте сюда — в примерочную!

И заказчик, невольно отвечая улыбкой на улыбку закройщика, потянулся всем телом к узорчатым полотнищам, скрывавшим за собой зеркальный трельяж, столик, стул и вешалку. Портной умелым жестом закрыл занавеску, и только таинственные шуршания тканей стали доноситься оттуда — из хорошо освещенной кабины...

Но вот кончились шуршания. Затем закройщик все тем же восторженным тоном спросил:

— Ну как? Костюмчик-то — просто сила!

Короткая пауза. И растерянный голос заказчика:

— Не кажется ли вам, что брюки мне узковаты?

— Вам? Узковаты? Не смешите меня!

— Ей-богу — узки... Вот посмотрите: если я задумаю сесть...

Тут даже я услышал тревожный треск рвущейся ткани.

— Стоп, стоп! — скомандовал закрыщик. — А зачем вам, собственно, садиться, когда вы в новом костюме?!

— Неужели все время стоять? У меня сил не хватит... и потом на работе же я должен сидеть: я ведь за то деньги получаю, чтобы там писать... подсчитывать...

— И подсчитывайте себе на здоровье. Кто вам не велит? Но сперва обнесите костюмчик где-нибудь там на балях, на празднествах, на спектаклях...

— Но я не веду такую уж светскую жизнь. Я человек скромный. На работу — и домой, домой — и на работу... А потом: на спектаклях тоже приходится тово — сидеть... Вы сами помните: наверное, бывали вы в театрах или цирке...

— Слушайте, не устраивайте мне цирк здесь, в ателье! Поверьте, у меня на руках не только один ваш костюм. Значит, брюки вы разносите, и они будут вам свободны. Еще придете просить, чтобы мы убрали в шагу, поскольку они будут у вас висеть сзади, как авоська... Да, да, да! Поверьте мне! Лучше давайте полюбуемся с вами на то, как сидит пиджачок. Словно влитой весь! Словно это не из полушерсти пошито, а отлито из чугуна или там бронзы!

— Отчасти верно. Оно так меня прихватило, особенно под мышками... Я даже сам подумал: железная вещичка...

— И очень хорошо: фасон не утратится. Как он сегодня вас обхватил по талии и так далее... хе-хе-хе... я даже с вами стихами заговорил... так оно и будет держать форму, хоть вы его носите сто лет кряду!

— Да, как же! «Сто лет!» Он и месяца не протянет: видите, какие у него складки под мышкой!..

— А как не быть складкам, если вы нарочно держитесь словно телеграфный столб?!

— А как... как я должен держаться?

— Сутулиться надо. Сутулиться! Современный городской человек он — что? — он обязан сутулиться!

— А что мне делать, если я — не сутулый?

— Хвастать тут нечем. Нагните голову! Ниже, ниже!

— Ой! Больно!

— Ясно, что будет больно: мне приходится вам чуть не подзатыльники давать! А если бы вы сами ссутулились, как по маслу пошло бы. Где теперь складки?

— Вот они: перешли на талию...

— А вы выпрямитесь! Вот! Теперь на талии ровно.

— Не могу же я все время так вот извиваться на ходу,

чтобы эти складки исчезли... да они и не исчезают, а бегают с места на место...

— А почему, собственно, вы не можете? Вам что — жалко извиваться, да? А по-моему — лучше извиваться, но быть элегантно одетым, чем торчать, словно тумба, да еще при этом морщиться по всему костюму. Ну, ладно. Поздравляю вас с обновкой. Платите в кассу и носите на здоровье!

— Какое же у меня будет здоровье при таком костюме? Он меня замучает — я уже это чувствую...

— Нет, это вы меня мучаете! Сколько времени я с вами вожусь, и вы не можете понять, что вам наконец-то пошли модный, элегантный костюм... Снимайте его! Я заверну... Или вы, может быть, хотите в нем уйти? Тогда я вам старый костюмчик заверну.

— Я не знаю... Давайте уж тогда я в новом пойду...

— Ну, то-то! Касса у нас направо. Предъявите ордер, и вам сделают расчет... Ну, что вы, что вы, как не стыдно... Разве ж я из-за этого старался? Ну, спасибо. А в случае если штаны действительно лопнут, — принесите, мы их так заштукуем, сами не узнаете, где была дырка... Желаю счастья!

Занавеска со зловещим шорохом раздернулась. Оттуда вышел, качаясь, заказчик в новом костюме, который вопреки истине его сковал так, что он и в одетом виде стал похож на муляж голого человека: все мускулы были обрисованы и вдобавок еще десятки складок испещрили корпус и ноги... Клиент прошел в кассу.

А закройщик, небрежно неся в руках старое платье клиента, неторопливо прошел к столику приемщицы. Он улыбался самодовольно и хитро. Покосясь на меня, громким шепотом произнес на ухо приемщице:

— Нда... тяжелый случай... Слушали? Еле-еле уговорил... Но я этим негодьям — Ферапонтову и Савченко морду набью: надо же! — так обузили и пиджак и брюки, что парень просто лопается в этих... латах, что ли, или панцире, хе-хе-хе...

Закройщик достал с полки огромный лист бумаги и ловко завернул в него старый костюм. Тут подошел и сам клиент. За то время, что он провел у кассы, борьба его тела с тканью приняла еще более драматический характер: кое-где уже намечались вздутия, где-то трещали на ходу швы, расплзались шерсть и подкладка, где-то набе-

жали новые складки. Закройщик при виде своей жертвы возобновил обольстительную улыбку. Он торжественным жестом вручил бедняге сверток со старым костюмом и напутствовал:

— Счастливо носить! С обновочкой вас!

Клиент вяло принял сверток, кивнул головой и повернулся к выходу. Закройщик надул щеки, выпустил воздух с видом облегчения и, еще раз подмигнув приемщице, удалился.

Прошло минут восемь. Раздались быстрые шаги: почти вбежал уже известный нам закройщик. Он метнулся к выходной двери, крича:

— Где он?! Куда он делся?.. Ну, которому я сейчас костюм отдал... Неужели уже ушел?! Эх, черт! Я ведь ему чужую пару всучил! Ну как же: его квитанция 7689, а я ему сбагрил по квитанции 7698!

— Вон когда хвátился! — басом среагировала приемщица и выпустила носом облако дыма от сигареты.— И что это тебя вдруг так растревожило?

Закройщик, выглянув на улицу и убедившись, что заказчика и след простыл, закрыл наружную дверь и вздохнул:

— На него мне, конечно, наплевать... Но ведь клиент по квитанции 98 в свою очередь начнет бузить, что костюм не по мерке. Он же ему будет широк, как будто это с быка какого-нибудь или с верблюда...

Закройщик на секунду задумался. Приемщица захохотала, словно она играла мельника в «Русалке» (басовая партия). А в заключение мастер ножниц, иглы и сантиметра резво махнул рукой и заявил:

— А, чего там горевать: и этому я всучу чужой костюм! Пока что любого мне удавалось уговорить!..

Засим закройщик снова направился к двери во внутреннее помещение, а я развел руками с каким-то даже умилением. «Вот это да!..— подумал я.— Вот так красноречие! Вот так софистика!»...

— Значит, так. Я сам — строительный рабочий. Могу сказать, что с 1936 года имею строительное звание штукатур. В настоящий момент работаю по шестому разряду. За 33 года стажа имею 28 благодарностей, 9 почетных грамот, часы и медаль «За доблестный труд». Меня наша инженерша Наташа так и зовет: «доктор штукатурных наук». А как же? И вот, можете себе представить, этот самый «доктор» — то есть, я — полез в драку по собственному желанию — и где? — на своей работе!

Три месяца тому назад присылают к нам одного молодого товарища, который вот-вот окончил строительный техникум, и назначают его десятником: командовать целым взводом рабочих.

И это нам, знаете ли, попался такой гусь лапчатый. Теперь их называют «ни бо, ни чо» — то есть: ни богу свечка, ни черту кочерга. Эдакий барчук пролетарского происхождения. Юный граф с презрением на лице и кудрями на лбу и на затылке, как у дореволюционного дьякона. Штаны у него узкие и мозги у него — узкие. Работать он еще не умеет, но уже не желает. А вскорости поставили его на ремонт жилого дома. Халтурщику на ремонте вообще раздолье: хочешь — ремонтируй на самом деле, а хочешь — давай одну видимость ремонта... Вот наш Ряжкин, этот десятничек, распорядился кое-как кое-чего кое-где прилепить-приткнуть и командует нам, штукатурам: дескать, мажь, ребята! Я ему еще сказал:

— Это ж, говорю, халтура; если моя старуха на этот ремонт дунет, так он рассыплется, как от атомной бомбы.

А Ряжкин даже глазом не повел. Приказывает: «Мажь и все!» Ну, думаю, обожди, ты у меня запоешь тенором...

Ладно. Теперь приезжает комиссия принимать нашу халтуру. Идут в отремонтированный корпус. Я за ними, хотя меня никто не звал...

Товарищ Ряжкин стоит у входа, аж перегнулся пополам и приветствует начальство:

— Прошу вас, пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, прошу... Эп! — это он меня увидел. Но при комиссии ему особенно разоряться неудобно,— так? Значит, он и со мной — за ручку...

А председатель комиссии начинает уже осмотр:

— Ну-ка, ну-ка, как вы освежили этот домишко?..

Но с виду оно — все прилично. И комиссия начинает улыбаться... Один член спрашивает:

— А эта дверь куда ведет?

Я говорю:

— В соседнюю комнату... Вот, пожалуйста...

И легонько берусь за круглую ручку двери... Ручка, безусловно, остается у меня в руке. Я этот фокус удумал еще со вчера. Но на комиссию оно производит красивое впечатление. Председатель многозначительно говорит «Нда»... Десятник Ряжкин несколько зеленеет, но скоро опять делается розовым. Я думаю: «Ты у меня сегодня поработаешь хамелеоном: будешь еще менять цвета на собственной физиологии!»

— А как у вас насчет слышимости? — спрашивает председатель.

Я моментально отзываюсь:

— А вы сами попробуйте. Вот я уйду в ту комнату, а вы изволите произнести что-нибудь здесь своим нормальным голосом.— И — шась за дверь...

Председатель, не повышая тона, солидно задает мне вопрос:

— Вы меня слышите?

Я откликаюсь оттуда:

— А как же? Я даже вас вижу.

Ряжкин теперь бледнеет и чернеет. А комиссия спрашивает:

— Как это так видите?!

— А через щелки. Наблюдайте: я к вам просунул палец... вот — другой... Вот — третий... В общем, я извиняюсь, у меня лично на все щелки пальцев не хватает...

Комиссия начинает смеяться. Товарищ Ряжкин, скорее, плачет. Одна молоденькая архитекторша, чтобы перебить настроение, произносит:

— Как здесь олифой пахнет,— ужас...

Я говорю:

— Олифой? Сейчас откроем окошко, проветрим!

Но я знаю, как оно окно надо открывать... Ка-а-а я уда-

рил по раме кулаком... Окно раскрывается, но куски рамы вылетают на улицу. И я говорю, словно бы испуганным голосом:

— Батюшки! Как же его теперь закрыть?.. Вот так открыл я окошечко!

Десятник Ряжкин снова меняет цвет кожи. Сперва синее, потом становится цвета протухшей воблы. А наш управляющий стройконторой — он тоже был в комиссии — спрашивает:

— Интересно, что вот эта стена — капитальная или нет?

Между прочим, эту стену мне приказано было замазывать, что называется, по живому мясу. Она буквально у меня под правым плечом крошилась. И еще помню: Ряжкин, когда я ему это показал, спустил мне директивочку: «Ладно, ты пока мажь, а потом мы поставим подпорки». И, конечно, никаких подпорок никто не ставил. И потому я небрежной походкой, на глазах у комиссии, подхожу к стене, беру табуретку, которая осталась от маляров, и — бац! — табуреткой... Стена так и рухнула... Пылища пошла; крошка летит градом; люди отворачиваются, трут кулаками глаза, мигают, чихают на разные голоса: «Апчхи!.. Чхи!.. Чхи!.. Эпчхи!! Чхи-чхи-чхи!..» Потом понемножку проясняются воздух и носоглотки, и сквозь дыру в стене видно голубое небо... двор... соседние корпуса... скверик на улице...

Председатель комиссии говорит, задумчиво глядя в дыру:

— Это что же — Евстафьев переулочек или Рыбная улица?.. Да. Ну, все ясно, поехали, товарищи!

Вы спросите, чем дело кончилось? Сейчас доложу. На другой день утром, аккуратно я раствор стал готовить, является Ряжкин ко мне.

— Ты что же это, — говорит, — старый подхалим, натворил? Из-за тебя теперь всю работу заставляют переделывать заново!

Я говорю:

— Я извиняюсь, так это из-за меня переделки?!

— Конечно, — говорит, — комиссия, безусловно, приняла бы, если бы не твои подвохи!

Ну тут я не выдержал! Как стукну мешалкой по ящику.

— Ах ты, мразь несчастная, халтурщик 20-го разряда! Да как ты смеешь, подлец ты эдакий, обманом на работе

заниматься?! Как,— говорю,— ты смеешь в нашем советском доме гнилую стенку ставить? Когда тебя еще на свете не было, мы с твоим отцом начали строить этот замечательный дом. В нем каждый кирпич омыт кровью и потом советских людей. От имени рабочего класса заявляю тебе: вон отсюда, дармоед паршивый! Вон, пока по шее мешалкой не получил!

И кинулся я за ним, а он бежать. Совсем исчез с постройки...

На другой день приказ вывесили: освободить Ряжкина от занимаемой должности. Говорят, он теперь в другую стройконтору устроился. Я думаю сходить в ту контору, проверить: как он там работает? Если опять то же за ним наблюдается,— я его непременно и с нового места выживу! Я ему легкого житья не дам нигде! Заставлю работать на совесть!..

СОДЕРЖАНИЕ

Совесть в кармане	3
Нет, не кампания!	9
Крах	12
Персональный неудачник	16
Родительница	21
Почтенная личность	24
Коса на камень	28
Пагубная привычка	32
Неизбежное	36
Со стороны кулис	44
Сложное дело	48
Отщепенец	54
Слабый характер	61
Харакири	66
Софист-бракодел	72
Убирайся вон!..	76

Ардов Виктор Ефимович

СОВЕСТЬ В КАРМАНЕ

Редактор *Л. В. Глебова*

Художник *Б. В. Ардов*

Художественный редактор *С. И. Сергеев*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 29 сентября 1968 г. Подписано в печать 22 ноября 1968 г. Формат 84 × 108¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Условн. печ. л. 4,2. Учетно-изд. л. 3,93. Тираж 100 тыс. экз. А 07235, Заказ № 1704. Цена 12 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»,
Москва, Краснопролетарская, 16.

12 коп.

ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ
ЛЮДИ И НРАВЫ

